

СТАТЬИ И ЭССЕ

*Виктор Вахштайн**

**«Практика» vs. «фрейм»:
альтернативные проекты исследования повседневного мира**

*Мы предпочитаем говорить о
«практиках». «Фрейм» – это
абстрактная форма... Он никогда не
скажет тебе, что у него внутри...*

*проф. Энн Уорфилд Роулз
(Из личной беседы)*

Основная цель статьи – *кодификация теоретических ресурсов* социологии повседневности. Автор не ставит перед собой задачи «картографирования» пространства социологических исследований повседневного мира. Кодификация не ограничивается ни дескрипцией, ни классификацией; речь скорее идет о такой форме работы с категориями, которая позволила бы выявить стоящие за ними теоретические мотивы, дотеоретические интуиции и аксиомы.

Может показаться, что кодификация – наиболее скучная область теоретической работы. Скрупулезное сравнение «конститутивных черт» и «базовых концептуализаций» уже существующих (а потому неизбежно устаревших) подходов по степени возбуждаемого интереса не идет ни в какое сравнение с построением объяснительных моделей, разработкой концептуальных оснований будущего исследования или развитием собственного теоретического языка описания. Тем не менее, сколь бы скучным ни был процесс подобной «инвентаризации» ресурсов мысли, акт упорядочивания имеющихся концептуальных конструкций остается чуть ли не единственной универсальной чертой различных способов и стилей теоретизирования. Предварительный поход в запасники и оценка состояния хранящегося там художественного богатства – обязательный шаг при проектировании новой экспозиции. «Кодифицировать» картины – значит заставить их говорить самим актом их соположения. Но поскольку каждая картина – есть «мир в себе», герметичный и замкнутый, соположение требует творческих усилий: необходимо *создать пространство* возможного сопоставления, сравнения, чтобы «общее звучание» экспозиции было богаче, чем сумма голосов всех входящих в нее картин.

Теоретический ресурс – точно такой же герметично замкнутый «мир в себе», разрабатывавшийся не для сравнения с другими исследовательскими программами, а для окончательной и бесповоротной победы над ними. Поэтому сопоставление различных теоретических ресурсов также требует предварительного создания «общего пространства», делающего само сопоставление возможным; в случае данного исследования таким

* **Вахштайн Виктор Семенович** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии

© Вахштайн В., 2008.

© Центр фундаментальной социологии, 2008.

пространством является пространство аксиом, дотеоретических идеализаций, на которых покоятся теоретические конструкции.

В фокусе статьи – две исследовательских программы социологии повседневного мира: теория фреймов и теория практик. Вначале мы рассмотрим базовые концептуализации практико-ориентированной социологии повседневности, проанализируем их конститутивные черты, попытаемся описать присущую им аксиоматику и логику, найти их теоретические импликации для социологии повседневности в частности и социологической теории в целом. После этого обратимся к теоретическим основаниям и базовым концептуализациям альтернативной – фрейм-аналитической – теории повседневного мира. Схема рассмотрения остается неизменной: дескрипция, выделение конститутивных черт базовых концептуализаций, реконструкция логики и указание на теоретические импликации.

Теория практик: по ту сторону «внутреннего» и «внешнего»

Интерес к миру повседневности в современной социальной теории возрождается под знаком «*практического поворота*» («*practice turn*») – обособления мира обыденных рутинных действий в самостоятельную область исследований и попыток формирования нового теоретического консенсуса на основе понятия «практики» [Turner 1994], [The practice 2001], [Schatzki 1996], [Certeu 1984]. По мере того, как это понятие занимает все более заметное место в современной социологии, мир повседневности вновь становится актуальным предметом социологического исследования. «Вновь», потому что сегодня мы наблюдаем скорее «переоткрытие», возрождение социологии повседневности, нежели появление принципиально новых социологических подходов. Впрочем, некоторые фундаментальные изменения в определении повседневности при ее «повторном рождении» все же произошли: если в прежних – феноменологических и неомарксистских – теоретических проектах речь шла о страте «жизненного мира» (*Lebenswelt*), представляющей собой «верховную реальность» человеческого существования, то теперь повседневность возвращается в образ вместилища рутинных практик, своеобразной арены нерелексивных действий.

Какие следствия влечет за собой подобная ревизия повседневности? Как теоретическая экспансия «практики» влияет на проблематизацию обыденной социальной реальности в социологической теории? И каковы альтернативы практико-ориентированному подходу?

По справедливому замечанию В.В. Волкова, «сегодня практическая парадигма, если и существует, то лишь как удобная территория для междисциплинарных исследований. С одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурируют в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, – и в этом смысле, формируется некоторая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, однако, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации. Последний, к тому же, варьируется в зависимости от отдельных авторов» [Волков 1997]. Более остальных собственно социологической концептуализации «практики» способствовали три современные теории: структуралистский конструктивизм П. Бурдьё [Бурдьё 1993], [Бурдьё 2001] теория структуризации Э. Гидденса [Гидденс 2003] и этнометодология Г. Гарфинкеля [Garfinkel 1967], [Garfinkel 2002]. Однако попыткам социологической концептуализации данного понятия предшествовали этапы его разработки в рамках философии и социальной антропологии.

Практический акт впервые становится предметом философского осмысления в работах Дэвида Юма¹. В повседневной жизни, отмечает Юм, элементарные нерелексивные действия – привычка (*habit*) или обычай (*custom*) – с успехом замещают логические и

¹ Здесь мы говорим о «практическом акте» как о концепте, близком по значению современному социологическому понятию практики. Именно поэтому «точкой отсчета» в истории разработки данного понятия являются труды Юма, а не, к примеру, сочинения Аристотеля.

моральные обоснования, привлекаемые для объяснения человеческого поведения [Юм 1996]. Привычка поступать определенным образом служит достаточным основанием для последующих действий. «Привычка, – пишет Юм, – это корень разума», его *первооснование*. В данном отношении привычка до-разумна и потому изначальна, «природна»: «Привычка есть не что иное, как один из принципов природы, и всей своей силой она обязана этому происхождению» [Юм 1996: 230-231].

Такая концептуализация практического действия (его понимание как «действия по привычке») обладает двумя отличительными чертами:

- практическое действие доминирует в мире обыденной, повседневной жизни и тем скрепляет фундаментальный уровень совместного существования людей (именно на этом фундаменте выстраивается здание общественных институтов и «общих правил» действия);

- практическое действие принципиально отлично от действий рефлексивных, осмысленных, продиктованных разумом или долгом.

Эти два ключевых аспекта в определении практического действия заимствуют у Д. Юма современная социальная теория и философия практики. «У Юма привычка играла роль первопричины, причем не внешней, а имманентной самому действию, потенциально заменяя любые формы каузальности и сама выступая как ее источник, – пишет В.В. Волков. – Мышление или действие “по привычке” – а это не только первое, но и наиболее консервативное понимание практики – дает возможность действовать, не прибегая к философским, логическим, моральным или иным обоснованиям» [Волков 1997]. Ценной для Волкова является именно возможность отказаться от всех перечисленных обоснований и сообщить тем самым практике статус «причины, имманентной самому действию»².

Подобная интерпретация эмпирической теории Юма не нова. Жиль Делез в книге, посвященной философии Юма, также отстаивает автономию практического действия: «Дело в том, что разум не определяет практику: он практически и технически недостаточен. Несомненно, разум оказывает влияние на практику, либо сообщая нам о существовании какой-либо вещи, объекта, свойственного какому-либо аффекту, либо раскрывая связь между причинами и следствиями, раскрывая средство для [достижения] удовлетворения. Но нельзя сказать ни что разум производит действие, ни что аффект противоречит ему, ни что разум борется с аффектом... практика в своей природе (но не в своих обстоятельствах) безразлична к разуму» [Делез 2001: 23].

Здесь необходимо расставить акценты: в фокусе нашего исследования находится не сам юмовский эмпиризм с его «консервативным» определением практического действия, а именно его влияние на современную практико-ориентированную социологию повседневности. Пока зафиксируем: уже на самом раннем этапе философской концептуализации понятия практики мы обнаруживаем те конститутивные его черты, которые затем воспринимаются социологической теорией. Практическое действие, объявляемое доминирующей формой существования в мире повседневности, противопоставляется действию рефлексивному, субъективно осмысленному (эта часть юмовского наследия была востребована П. Бурдьё), практическое сознание – сознанию дискурсивному (данный тезис развивает, например, Э. Гидденс).

К сожалению, специфика задуманной работы не позволяет подробно остановиться на всех философских источниках теории практик (к которым, помимо юмовской эмпирической философии относятся марксистская концепция «праксиса» и неомарксистские ее импликации в работах А. Грамши, Д. Лукача, Л. Альтюссера, Ж.-П. Сартра а также «Философские исследования» Л. Витгенштейна [Витгенштейн 1994] и ранние работы М. Хайдеггера [Хайдеггер 1997]³), однако мы будем обращаться к ним по мере

² О недостаточности такого юмовского определения практики для построения собственно социологической теории см. критику философии Юма современными исследователями-этнометодологами: [Rawls 2001: 36-39].

³ Неконсистентность философских оснований практико-ориентированной теории создает серьезную проблему в ее интерпретации. Философское наследие неомарксизма переплетается в современных концепциях практик с

необходимости в контексте дальнейшего рассмотрения теоретических ресурсов социологии повседневности.

Собственно социологический этап концептуализации «практики» начинается в 70-х годах XX века. В 1972 г. П. Бурдьё опубликовал «Набросок теории практики» [Bourdieu 1977], в 1973 г. вышла работа К. Гирца «Интерпретация культур» [Geertz 1973]. Оба этих текста являются скорее социально-антропологическими, нежели социологическими – корнями они уходят в опыт анализа и интерпретации полевых антропологических исследований, однако наибольшее влияние данные работы оказали именно на социологическую теорию. Благодаря им понятие практики становится востребованным в социологическом теоретизировании «инструментом фокусировки».

Почему апелляции к категории практики оказываются столь частыми именно в 70-х годах прошлого века? Здесь сыграл свою роль сформировавшийся в послевоенной социологии запрос на новый теоретический язык описания, свободный от антагонизма классических подходов. «В социологической теории, – справедливо отмечает В.В. Волков, – термин “практика” на начальном этапе символизировал поиски компромисса между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии, и в то же время – попытки предложить “третий путь”: либо посредством категориального синтеза, как, например, в теории структуризации Энтони Гидденса, либо указанием на воплощенность социально-классовых структур в самом деятеле, как это попытался сделать Бурдьё с помощью концепции *габитуса*» [Волков 1997]. Развивая этот тезис, можно заключить, что категория практики изначально служит для «снятия» фундаментальной дихотомии социологии – дихотомии субъективизма/объективизма. Далее мы покажем, что данная теоретическая интенция обусловлена третьей конститутивной чертой понятия практики – чертой, берущей свое начало не в эмпиристской философии Юма, а в диалектической философии Гегеля.

Работа П. Бурдьё *«Le sens pratique»*, в которой автор подробно излагает свою концепцию практико-ориентированной социологии, содержит явную аллюзию на гегелевскую идею «практического чувства». Собственно, «Практическое чувство» – это один из возможных переводов названия данной работы на русский язык. Однако переводчики выбрали другой вариант – «Практический смысл» – поскольку «чувство» содержит в себе «...поворот к субъективизму и психологизму, отсылку к сознанию» [Шматко 2001: 549]. В то же время перевод «sens» как «смысл» затрудняет понимание практики в качестве дорефлексивного акта, который принципиально отличен от действия в веберовском определении, основанного на субъективно полагаемом смысле.

«Практическое чувство» – понятие, введенное Г. Гегелем в работе «Феноменология духа». «Практическое чувство, – пишет Гегель, – с одной стороны, знает себя как объективно значимое самоопределение, как нечто *в-себе-и-для-себя-определенное*, но в то же время, с другой стороны, так же и как нечто *непосредственно или извне определенное*, как нечто подчиненное *чуждой* ему определенности *внешних воздействий*» [Гегель 1977]. Практическое чувство – не субъективно. И в, равной мере, не объективно. В данном концепте не содержится никакой отсылки к сенсуализму (это подозрение переводчиков работы Бурдьё на русский язык не вполне обоснованно). Будучи этапом становления практического духа, практическое чувство лежит «по ту сторону субъективного и объективного», не зная «ни субъекта, ни объекта». Более того, по Гегелю, практическое чувство предшествует самому различению субъективного и объективного, внутреннего и внешнего. Про практическое чувство нельзя сказать, что оно есть лишь продукт

отсылками к достижениям «консервативной мысли» (М. Хайдеггер, М. Оакшот) [Dreyfus 1993], [Oakeshott 1991], [Taylor 1995]. Для теоретиков, развивающих марксистскую идею «праксиса», более характерно употребление термина «*практика*» в единственном числе, тогда как авторы, не относящие себя к этому направлению, чаще говорят о «*практиках*», сочетая различные способы философской концептуализации данного понятия. Подробнее см.: [Девятко 2003: 292].

самодетерминации или детерминации извне. Являясь чем-то «в себе и для себя» определенным и, одновременно, подчиненным определенности внешних воздействий, практическое чувство оказывается вне оппозиции внутреннего/внешнего.

Благодаря гегелевскому обоснованию данного понятия, идея практики в социологии позднее дополнится еще одной конститутивной характеристикой:

- практика находится вне оппозиции «субъективной/объективной» определенности, она располагается по ту сторону «внутреннего» и «внешнего», будучи диалектически «в себе и для себя определенной» и, одновременно, внешне детерминированной.

Отправная точка работы П. Бурдьё как раз и состоит в декларируемом стремлении «снять» дихотомию объективистского и субъективистского способов познания. «Из всех оппозиций, искусственно делящих социальные науки, самой фундаментальной и самой губительной является та, что противопоставляет субъективизм объективизму, – утверждает он. – Для преодоления антагонизма, противопоставляющего эти два способа познания, ... нужно показать предпосылки, свойственные им обоим как способам научного познания, зная, что последние сами противостоят способу практического познания, положенного в основу *обыденного опыта социального мира* (курсив мой – В.В.)» [Бурдьё 2001: 50]. Следовательно, практическое знание как знание повседневное противостоит в равной степени и «объективистскому» и «субъективистскому» познанию как формам знания теоретического, отстраненного. Понимание практики исключает дистанцирование. Понять практику, «глядя со стороны», невозможно, со стороны ее можно только проинтерпретировать или, если прибегнуть к выражению К. Гирца, – составить ее «плотное описание» [Geertz 1973].

Таким образом, обыденный опыт социального мира в практико-ориентированной теории П. Бурдьё провозглашается оппозицией опыту теоретического знания. Мысль сама по себе не новая⁴. Относительно новой ее делает предельно широкая трактовка «теоретического знания». «Теоретическое» здесь значит отстраненное, дистанцированное и *рефлексивное*. Поэтому рефлексия наблюдающего социальную реальность субъекта подпадает под ту же характеристику «дистанцированности», что и научная теория, выстроенная по всем позитивистским канонам.

Апелляция к «практике» как категории, позволяющей снять противопоставление объективизма и субъективизма, возможна лишь в том случае, если «практическое знание» трактуется не просто как не-теоретическое, но как *до-теоретическое*. Практика внеположна оппозициям, потому что предшествует им. Операции различения и возведения обнаруженных различий к противоположностям свойственны теоретическому разуму, тогда как «практическое чувство не знает ни субъекта, ни объекта».

За внешне ясным и очевидным стремлением П. Бурдьё использовать категорию практики для преодоления «эпистемологического антагонизма» субъективизма и объективизма в социальных науках (что вполне вписывается в предложенное В.В. Волковым рассмотрение теории практик как своего рода «методологического компромисса») обнаруживается радикальное намерение упразднить само *различение субъективности и объективности*. У Бурдьё «на место, якобы занимаемое субъективностью», приходит «объективация объективности»: разоблачение «социальных категорий мышления, восприятия и оценивания» как произведенных социальной практикой [Бурдьё 2001: 45]. Задача же практико-ориентированной социологии состоит в открытии «внешнего» в самом центре «внутреннего», объективного – в субъективном.

Ярким примером подобного «разоблачения» является, в частности, бурдьёвистская идея габитуса как «присвоенного внешнего», «инкорпорированного в тело» и «ставшего внутренним». Таким образом, в практико-ориентированной социологии само различение «внешнего» и «внутреннего» теряет смысл. «Вслед за этим, – продолжает Бурдьё, развивая концепцию габитуса, – мы отрекаемся от универсального субъекта, трансцендентального

⁴ Ср. у Сартра: «Само понятие практики и понятие диалектики – неразрывно связанные друг с другом – находятся в противоречии с интеллектуалистской идеей знания» [Сартр 1993: 214].

Ego феноменологии...» [Будье 1994: 185]. В субъекте не остается ничего собственно субъективного. (В некоторых интерпретациях этот тезис приводит к стремлению заместить понятие «сознание» понятием «габитус» [Шматко 2001], [Бикбов 2001].) «Внутри» то же, что и «снаружи»: диспозиции, схемы классификации, категории восприятия и мышления продуцируются практиками и существуют в потоке практик, так же, как квази-объективные структуры социального мира.

По замечанию французского социолога практик Ф. Коркюфа, требование преодоления классических дихотомий предполагает «двойное движение интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего» [Коркюф 2004: 26]. (У Бурдье эта интенция оборачивается мотивом «объективации объективирующего субъекта», у Гидденса – обнаружением «дуальности структуры».) Здесь Коркюф практически дословно воспроизводит логику интерпретации работ Гегеля и Маркса Ж.-П. Сартром. Именно Сартр выводит на первый план «интенцию внеположности», полагая ее неотъемлемой частью диалектического метода. «Для Маркса особенности внешней детерминации неразрывно связаны с особенностями прогрессирующего синтетического единства, каковым является человеческая *практика*, – пишет Сартр. – Для того чтобы внести наиболее весомый теоретический вклад в марксизм, возможно, надо задаться целью преодолеть (*transcender*) противоположности внутреннего и внешнего...» [Сартр 1993: 107]. Указывая такое направление развития идей диалектики, Сартр апеллирует в равной степени и к Марксу, и к Гегелю. Придерживаясь гегелевско-марксистской интенции определения практики как того, в чем преодолевается противопоставление «внутренней» и «внешней» определенности, Бурдье превращает «практику» в универсальную объяснительную категорию. В итоге, не только социология повседневности объявляется практико-ориентированной, но и вся социология становится наукой о практиках, к которым могут быть редуцированы более сложные социальные феномены.

Сходная интенция прослеживается в теории структуризации Энтони Гидденса. Отправная точка его рассуждений та же, что и у Бурдье: критика субъективистско-объективистского антагонизма в социологии. «Если понимающая социология зиждется на империализме субъекта, то функционализм и структурализм проповедуют главенство социального объекта. Формулируя теорию структуризации, мы стремимся положить конец созданию подобных империй. Согласно нашей теории, предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [Гидденс 2003: 40].

Гидденс безоговорочно принимает тезис о необходимости «снятия» субъект-объектной дихотомии посредством категории практики. «Социальные практики, разворачивающиеся в пространстве и времени, – пишет он, – являются источником образования и субъекта, и социального объекта» [Гидденс 2003: 17]. Но если Бурдье использует понятие «практика» для устранения дихотомии субъективного и объективного, то в теории структуризации Гидденса «практика» служит скорее для преодоления оппозиции структуры и действия. Преодоление это совершается специфическим, присущим рассуждениям Гидденса теоретическим ходом – заменой отношений «противоположности» отношениями «дуальности», двуединства, обоюдного конституирования. «Теория структуризации претендует на “снятие” ряда классических противоположностей, которые пересматриваются здесь в виде дуальностей. Так, дуализм “индивид – общество” превращается в дуальность деятельности и структуры» [Гидденс 2003: 239].

Что значит «дуальность деятельности и структуры»? В первую очередь то, что теперь само практическое действие и его структурный контекст следует рассматривать в духе единства противоположностей. Структура больше не находится «вне и вокруг» действия, она имманентно в нем присутствует. Развивая тезис о дуальности структуры, Гидденс замечает: «Структура не является чем-то “внешним” по отношению к индивидам: будучи своего рода отпечатками в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее

“внутренней”, нежели внешней (как это считал Дюркгейм) по отношению к их деятельности» [Гидденс 2003: 70].

Бурдье стремился обнаружить «внешнее во внутреннем», Гидденс обнаруживает «овнутренность внешнего» – растворенность структуры в деятельности. Обе эти интенции в конечном итоге направлены на преодоление самого различия «внутреннего» и «внешнего». Является ли эта попытка разрушить классические социологические дихотомии – субъективное/объективное, структура/действие – последовательным постмарксистским развитием гегелевской идеи «практического чувства» или она оказалась результатом активизировавшегося в 70-х годах поиска нового теоретического консенсуса? Правомерны, на наш взгляд, обе гипотезы. Предпринятое выше сравнение двух практико-ориентированных концепций позволяет отметить, что претензия на «снятие» классических дихотомий посредством категории «практика» является своеобразной *максимой* данных построений. Именно это утверждение диалектической неразличимости «внутреннего» и «внешнего» в практическом действии и есть нерв практико-ориентированного подхода к исследованию повседневного мира.

Здесь-и-сейчас социология

Применительно к изучению повседневности тезис о неразличимости «внутреннего» и «внешнего» формулируется следующим образом: повседневные практические действия и условия их совершения не существуют в отрыве друг от друга, а образуют неразрывное динамическое единство. Маргарет Арчер, представитель школы британского реализма и последовательный критик теории структуризации, для обозначения подобного теоретического хода – растворения практических действий и их условий в едином и внутренне недифференцированном понятии «практика» – использует определения «*конфляционизм*» (от «conflation» – соединение, сплав чего-либо или сведение двух текстов в один) и «*элизионизм*» (от «elision» – выпадение слога при соединении двух следующих друг за другом слов) [Арчер 1999: 157]. Опираясь на работы философа Роя Бхаскара, она описывает три модели элизии: растворение структуры в действии (элизия «снизу вверх» – как это, по ее мнению, происходит в феноменологической социальной теории), подчинение действий структуре (элизия «сверху вниз» – например, концепция «General Action System» Т. Парсонса) и собственно решение Гидденса – «сращение посередине». Бхаскар подчеркивает: «В первой модели есть действие, но нет условий; во второй – есть условия, но нет действия; третья модель не делает различий между ними» [Bhaskar 1989: 77]. Таким образом, действие, редуцированное Гидденсом к практикам, оказывается не просто действием вне контекста, но действием, *неотличимым от контекста*. «Как неудобно получается, – замечает Арчер, – раз теперь оба элемента взаимно конституированы, то и речи не может идти о том, чтобы рассмотреть их взаимодействие и выявить их независимые причиняющие силы. Условия и действия нужно рассматривать порознь, чтобы можно было говорить об обусловленном действии» [Арчер 1999: 165].

М. Арчер справедливо указывает на неудовлетворительность «конфляционизма» Гидденса для исследования повседневных социальных действий, не акцентируя, впрочем, того обстоятельства, что конфляционизм – закономерное проявление общей максимы практико-ориентированных теорий. Другое ее закономерное следствие – пролиферация самого понятия «практика», которое обрастает все новыми и новыми значениями, теряя строгость определения. «Если все что угодно идентифицируется как практики, то этот термин просто лишен эмпирического содержания», утверждает еще один критик теории структуризации Марта Бертильсон [Bertilsson 1988: 55]. Как, в свою очередь, замечает И.Ф. Девятко, «в этих многообразных концепциях ... “практика” превратилась во всеохватное понятие с неопределенно широким концептуальным полем» [Девятко 2003: 290]⁵.

⁵ Критика теоретической экспансии «практики» в современной социологии изложена также в работах С. Тернера [Turner 1994] и Дж. Александра [Alexander 1995].

Стремительная пролиферация приводит к тому, что «практика» перестает рассматриваться как атрибут повседневности и преобразуется в мета-категорию социологического исследования. «Практика, – пишет Н.А. Шматко, – это *все* то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире» [Шматко 2001: 551]. Сходное утверждение высказывает В.В. Волков: «практики – это *все*, что мы делаем» [Волков 1997]. Сказав, что практики суть «все», можно редуцировать к совокупности практик любой предмет социологического исследования.

В итоге, устраняется различие между микро- и макро- анализом социальной реальности и апелляция к рутинным, структурированным практическим действиям используется с равной аргументированностью в исследованиях пространственной организации городской среды [Трущенко 1991], процедур выставления оценок во французских университетах [Bourdieu 1988: 194-225], опросов общественного мнения [Шампань 2001: 230-279], уличных демонстраций [Шампань 2001: 282-292], армейских институтов [Пэнто 2001: 24-74], государственной статистики [Мерлье 2001: 178-215], безработицы [Мерлье 2001: 154-162], самоубийств [Гарфинкель 2004]. Эта теоретическая экспансия приводит к тому, что категория практики не просто объявляется ведущей категорией социологии, но претендует на роль «общего знаменателя», конституирующего новый язык описания и переописания социальной реальности.

Какие следствия для социологии повседневности влечет за собой теоретическая экспансия понятия «практики» и стремительное распространение практико-ориентированных теорий? Важнейшим из них является *деконтекстуализация повседневного действия*. Первым шагом в данном направлении служит отказ от различения «внутреннего» и «внешнего» (субъекта и объекта, структуры и действия), переложение на язык практик тех социологических концептов, которые данное размежевание поддерживали, и на которое они опирались.

Казалось бы, социология повседневности только выигрывает от подобного сведения. Из него напрямую следует отказ от рассуждений в категориях макросоциологического анализа в пользу социологических описаний «приземленного» и предельно «конкретного». Однако в результате такой редукции границы «повседневного» теряют свои очертания. Категория практики одинаково применима и к описанию «близкого» жизненного мира и к рассмотрению «масштабных», не наблюдаемых непосредственно и не переживаемых в индивидуальном опыте социальных феноменов: от «скрытых механизмов» производства общественного мнения до «институционализированных процедур» воспроизводства преподавательского состава в вузах.

Если практика – это все, что делается социальными акторами, то контекстом практики может быть только другая практика. Иными словами, в практике как неререфлексируемом действии отсутствуют какие-либо трансцендентные компоненты – она представляет собой исключительно имманентное явление. А потому всякий предмет социологического исследования в данной перспективе рассмотрения теряет свое трансцендентное измерение. Далее мы проиллюстрируем на нескольких примерах следствия подобной редукции для социальной теории повседневного мира.

Иллюстрация 1. Практики власти у М. Фуко

Описанный теоретический ход переложения на язык практик традиционных социологических проблем обнаруживается, например, в «новой аналитике власти» М. Фуко. «Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, *имманентные области, где они осуществляются* (курсив мой – В.В.), и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти

отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства» [Фуко 1996: 191].

Власть перестает рассматриваться как нечто надмирное, находящееся «по ту сторону» каждой конкретной ситуации ее проявления, и трактуется как власть повсеместная, практическая, имманентно присутствующая в повседневных отношениях и практиках. Именно поэтому власть более не сосредоточена где-то «вне» ситуаций ее применения, а растворена в них: «Власть повсюду, не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [Фуко 1996: 192]. Эта трактовка власти лишает ее суверенности как социально-политического феномена и вписывает в повседневные действия: «отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений (экономическим процессам, отношениям познания, сексуальным отношениям), но *имманентны* им» [Фуко 1996: 193].

Так в аналитике Фуко формулируется принцип повсеместности и имманентности власти. «Сетка отношений власти, – пишет он, – в конечном счете, образует плотную ткань, которая пронизывает аппараты и институты, в них не локализуясь» [Фуко 1996: 196]. Эта ткань пронизывает *все* уголки социального мира и ни одному из них не является «внешней». Как и у всякой практики, «...ее отношения являются одновременно и интенциональными и несубъектными». [Фуко 1996: 194]. Соответственно, то, что ранее трактовалось как самостоятельная сущность, квинтэссенция властных отношений (Закон, Право), лишилось автономии и оказалось сведено к всеохватным практикам применения. «*Власть как практика*» – это одновременно и несубъектная власть (власть без властвующего), и власть, лишенная своего надмирного начала, «посюсторонняя» и имманентная [Фуко 1996: 197].

Иллюстрация 2. Практики классификации самоубийств в исследовании Г. Гарфинкеля

Другой пример «редукции к имманентному» в результате переложения традиционных социологических категорий на язык практик можно обнаружить в исследованиях Г. Гарфинкеля.

Гарфинкель скрупулезно исследует практики конструирования факта самоубийства сотрудниками специальных учреждений [Гарфинкель 2004: 8-18]. Он анализирует те специфические приемы, техники и оправдания, к которым прибегают служащие, занимающиеся описанием, классификацией и кодированием фактов самоубийства. Задача его исследования – «приземлить» проблему, традиционно формулируемую в макросоциальном масштабе, опустить ее до уровня ежедневных, рутинных рабочих операций⁶.

Выбор темы исследования Гарфинкелем, очевидно, не случаен. Впервые самоубийство становится предметом социологического изучения в работе Э. Дюркгейма [Дюркгейм 1994]. Однако для Дюркгейма суицид – социальный факт, определяемый другими социальными фактами (в первую очередь уровнем солидарности в сообществе), а отнюдь не результат рутинных действий неких должностных лиц. Даже в таком, казалось бы, индивидуальном и экзистенциальном действии, как лишение себя жизни, Дюркгейм усматривает проявление незримого Социального, трансцендентного Общества, представляющего собой «Высшее Существо».

Понимание социального факта Гарфинкелем принципиально отлично. Его занимает вопрос, каким образом из рутинных повседневных операций складываются «черты организационно приемлемого смысла, факта, беспристрастности, анонимности,

⁶ Понятие «рабочая операция» (working), синонимичное понятию «практики», заимствуется Гарфинкелем из феноменологической социологии А. Шюца. Однако Гарфинкель переставляет акценты: для Шюца важна «материальность» операции, ее «телесность», дающая возможность «вторжения (geag) во внешний мир» и изменения самого контекста действия, Гарфинкель же подчеркивает регулярность рабочих операций, их повседневность, рутинность и обыденность.

целенаправленности, воспроизводимости» [Гарфинкель 2004: 11]. Социальным фактом самоубийство делают практики его идентификации в качестве такового. А практики идентификации существуют «в непрекращающемся, текущем случайном осуществлении» [Гарфинкель 2004: 3]. Акцент на «осуществляемости» социального факта лишний раз подчеркивает его произведенность, сконструированность. Самоубийство приобретает особенности имперсонального факта благодаря многочисленным, структурированным, подогнанным друг к другу практикам «распознавания и классификации», которые подчиняются логике обыденных рутинных действий, со всеми свойственными им «огрехами» (например, действующим в обыденной рутинной практике правилом «оправдания по прецеденту» – всякое решение считается верным, если ранее в сходных обстоятельствах было принято такое же решение).

Выясняется, что социальный факт (самоубийство), будучи переописанным на языке теории практик, теряет свое трансцендентное измерение. Он более не является элементом социальной реальности *suī generis*, а возникает как результат предельно локальных и нерелективных действий – действий *in situ*. Впрочем, данная исследовательская установка – назовем ее «установкой-in-situ» – отличительная черта этнометодологического исследования повседневного мира.

«Знакомый мир здравого смысла, мир повседневной жизни является предметом непреходящего интереса для любой дисциплины – и гуманитарной, и естественнонаучной. В общественных же науках и, в особенности, в социологии он, по сути, составляет основной предмет изучения. Он определяет саму проблематику социологии, входит в самую природу социологического отношения к действительности и странным образом охраняет свой суверенитет от претензий социологов на адекватное его объяснение» [Гарфинкель 2004]. Претензию на адекватное объяснение и выражает этнометодология как проект исследования обыденных, рутинных, «естественно организованных» действий, конституирующих социальный порядок. Отсюда определение этнометодологии, предложенное соратником Гарфинкеля Э. Ливингстоном: «этнометодология – это исследование производства социального порядка» [Livingston 1987: 12].

В каком отношении находятся «этнометодология», «естественным образом организованные повседневные действия» и «социальный порядок»? «Этнометодологи, – пишет Ливингстон – исследуют практические действия и практические обоснования как деятельную работу по производству социального порядка. Большая часть моего исследования посвящена изучению конкретных упорядоченностей повседневного общества, она показывает, как эти упорядоченности и их доступные описанию свойства производятся «на месте», *in situ*, некоей локальной когортой исполнителей. Центральным вопросом этнометодологической исследовательской программы является вопрос: что представляют собой наблюдаемые упорядоченности практических действий?» [Livingston 1987: 15]. И в то же время: «аналитик сам безнадежно и непоправимо вовлечен в производство социального порядка; аналитик – это практический аналитик своих собственных практических действий» [Livingston 1987: 13].

Таким образом, благодаря специфической имманентности, связанной с понятием «практика», отношения в обозначенном выше треугольнике «этнометодология – практические действия – социальный порядок» приобретают рекурсивный характер. Этнометодология есть исследование упорядоченных практических действий, производящих социальный порядок. Этнометодология есть производство социального порядка посредством упорядоченных практических действий. Этнометодология есть производство социального порядка посредством исследования упорядоченных практических действий упорядоченными практическими действиями. Здесь отношение «исследование/производство» так же рекурсивно, как отношение «практические действия/социальный порядок».

Иллюстрация 3. Социальное действие, понятое как практика

Другую попытку «перевода» классических социологических понятий на язык теории практик предпринимает В.В. Волков. Предмет его реинтерпретации – работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Вслед за Юбером Дрейфузом [Dreyfus 1993] Волков ставит вопрос о механизмах «транспозиции» социальных практик: их изменении во времени и переносе в пространстве. По его мнению, книга Вебера является впечатляющим примером исследования практик именно потому, что в ней схвачены все способы такого изменения: «...четкое описание (артикуляция) протестантской этики Франклином, превращение аскезы из маргинальной в центральную практику (реконфигурация религиозных практик) и перенос (заимствование) протестантской аскезы в сферу хозяйственной и иной профессиональной деятельности. Раннекапиталистические ценности, таким образом, появляются на фоне новой конфигурации старых практик» [Волков 1997].

Почему появляются? На этот вопрос ответ будет также найден из области практики (искать его в сфере намерений отдельных акторов или в области объективных структурных изменений значило бы актуализировать одну из сторон прежних дихотомий, которые и стремятся преодолеть практико-ориентированные теории). Однако каким образом вообще становится возможным столь непроблематичное оперирование концептами «ценности» (раннекапиталистической) и «практики» (хозяйственной), их увязывание в некую имплицитную объяснительную модель, где одно каким-то неведомым способом определяет другое?

Там, где Вебер усматривает ценностную составляющую действия (возникновение идеала рациональности как религиозного предписания), последовательный сторонник практико-ориентированной теории обнаруживает «реконфигурацию практик». Однако нигде «практическая реинтерпретация» классического наследия не оказывается столь неудовлетворительной, как в случае с исследованиями, основанными на неокантианской методологии.

Действие, являющееся предметом исследования в классической неокантианской социологии, отличается от *практики* не просто «рефлексивностью», но наличием в нем трансцендентного элемента – смысла. Сказать, что практика имманентна⁷, значит сказать, что она целиком принадлежит миру бытия, тогда как действие благодаря присущему ему модусу осмысленности соединяет имманентный мир бытия и трансцендентный мир ценностей. «Тем самым ценность некоторым образом составляет противоположность бытию, – отмечает социолог-неокантианец Г. Зиммель, – именно как охватывающая форма и категория картины мира она может многократно сравниваться с бытием» [Зиммель 1999: 315]. Сам же смысл, связывающий имманентное и трансцендентное, по выражению Г. Риккерта «объективно противостоит этому миру». Макс Вебер стоит на тех же позициях: *смысл* примера на вычитание не содержится в бумаге, на которой этот пример написан (равно как не содержится он и в «психике» решающего его ученика). [Weber 1985: 9]. Более того, смысл не извлекается и из самой практики «решения» примера⁸.

⁷ Подобное утверждение разделяют и те сторонники теории практик, которые используют различие «трансцендентное/имманентное» для разработки специфической «имманентистской теории социального», очищенной от «ссылок на трансцендентное означаемое» [Бикбов 2001].

⁸ В недостаточном внимании к аспектам различения трансцендентного и имманентного элементов социального действия и состоит, на наш взгляд, серьезная ошибка С. Тернера, возводящего генеалогию практико-ориентированных концепций к неокантианству: «Неокантианское использование “предположений” в значении неявных предпосылок – равно загадочного понятия – выжило в качестве когнитивного или квазикогнитивного суррогата натуралистических терминов “привычка” и “обычай”. ... Идея о том, что существует нечто когнитивное или квазикогнитивное “за спиной” или до того, что произнесено явно и публично, превратилась в расхожую монету социологов знания, историков идей, теоретиков политики, антропологов и других» [Turner 1994: 29; Цит. по: Девятко 2003: 292]. «Предположения», о которых пишет Тернер, не являются в неокантианстве чем-то квазикогнитивным за спиной исследователя. Речь идет о «дотеоретической интуиции» в том значении, в каком мы использовали этот концепт ранее. Понятие «предположения» значимо для эпистемологии и указывает на существование априорного знания (в противовес опытному, апостериорному знанию). Что же касается собственно теории действия, то неокантианские интенции вычленения

Смысл – это категория, позволившая Веберу в первой части своего исследования протестантской этики и духа капитализма различить собственно капиталистическое усилие по максимизации прибыли и «*auri sacra fames*», презренную страсть к наживе [Вебер 1990: 76-77]. В области практик две эти интенции совпадают (крестьянин-протестант, сутками работающий на пашне и полагающий сверхурочный заработок богоугодным делом, *на практике* мало чем отличается от просто алчного крестьянина, стремящегося заработать побольше в период сбора урожая – различие их действий не в практиках, а в модусе осмысленности). Именно поэтому веберовское исследование фокусируется не на имманентных аспектах капитализма и протестантизма (собственно хозяйственных или религиозных практиках), а на смысловом и ценностном компонентах – «духе» и «этике». Попытка объяснить появление новых ценностей через реконфигурацию старых практик оказывается теоретически ошибочной, поскольку редуцирует кантовскую «ценность» к юмовской «привычке», в результате чего теряются исходные концептуальные различия, а вместе с ними и сам предмет исследования.

Сделаем следующий шаг в этом направлении и укажем на истоки подобной редукции. Анализируя веберовское исследование протестантской этики через призму теории практик, Волков следует логике, заложенной Питером Уинчем, и английской традиции лингвистической философии. В знаковой книге «Идея социальной науки и ее отношение к философии» Уинч использует категориальный аппарат «Философских исследований» Л. Витгенштейна для переосмысления традиционных концептов социологии. Один из таких концептов – смысл социального действия.

Уинч *prima facie* принимает веберовский императив определения «социального как осмысленного»: без апелляции к понятию «смысла» социология утратит основной критерий дефиниции своего предмета. Но Уинч, с опорой на работы позднего Витгенштейна, лишает данное понятие его трансцендентной природы – осмысленное поведение, полагает он, это *поведение, подчиняющееся правилу*. Социальным человеческое действие делает его «правилосообразность», а отнюдь не обращенность к царству ценностей. «Любое осмысленное поведение должно быть социальным, поскольку оно может быть осмысленным только в том случае, если оно управляется правилами, а правила предполагают социальное окружение» [Уинч 1997: 87].

С точки зрения Уинча, социальным является поведение школьника, выучившего ряд натуральных чисел и, в целях тренировки, записывающего их на листе – оно социально, потому что ребенок может продолжить этот ряд, т.е. он «знает как» его продолжить. Социально поведение человека, вкладывающего между страниц книги листок бумаги, чтобы вернуться к чтению с того места, на котором он остановился. Это действие правилосообразно, и сообразность с правилом превращает лист бумаги в «закладку», а само действие – в социальную практику «закладывания страниц». В то же время ни одно из двух описанных действий в большинстве контекстов не является социальным в веберовском определении. Ни мальчик, самозабвенно выписывающий ряд чисел на листе бумаги, ни читатель, закладывающий страницу книги, скорее всего, не совершают субъективно осмысленных поступков, ориентированных на других людей. Их движения вообще могут быть слабо отрефлексированными. Однако оба эти действия являются правилосообразными практическими актами.

Подмена неокантианской идеи «осмысленности как соотнесенности с царством ценностей» витгенштейновской идеей «осмысленности как правилосообразности» редуцирует социальное действие к социальной практике – гораздо менее «требовательному» концепту. И как только осмысленность начинает трактоваться в духе правилосообразности, трансцендентные элементы социального действия перестают приниматься во внимание.

трансцендентного элемента действия, не сводимого к «простому деланию» (*mere doing*), диаметрально противоположны имманентизму практических теорий.

Власть как практика, социальный факт как практика и социальное действие как практика: даже такие обобщенные иллюстрации могут дать представление о масштабах переописания и реинтерпретации классической социологической проблематики в категориях практико-ориентированной социологии. Вместе с тем «имманентизация» предмета социологического исследования, сопутствующая этому процессу, имеет значимые теоретические последствия.

Например, в силу своей имманентности практика может рассматриваться как *протяженная* в пространстве и времени. (В отличие от действия, которое не является протяженным именно из-за того, что принадлежит иной категориальной сетке. Смысл – не протяжен, так как не находится в мире бытия⁹.) Иными словами, практика, лишенная трансцендентных характеристик, которые должны были бы рассматриваться *sub specie aeternitatis*, всегда существует «здесь и сейчас», в конкретных пространственно-временных условиях. Если воспользоваться выражением А. Шюца, практика лишена «открытых горизонтов пространства и времени, выходящих за пределы актуального Здесь и Сейчас» [Шюц 2004: 562]. (Причем, «актуальное» тут может быть понято в двух смыслах – актуальное как непосредственно наблюдаемое, находящееся в фокусе внимания, и актуальное как задействованное, производное от практического *акта*.)

О пространственной имманентности практик пишет Гидденс. Тот факт, что практика «существует в пространстве», позволяет ему сформулировать идею «локала» – физического региона, который структурируется практиками и служит для их пространственного упорядочивания [Гидденс 2003: 202-210]. Локал – это физическое «здесь» всякой практики. Находясь на кладбище, вы ведете себя так, «как подобает вести себя на кладбище». Хотя модель практического действия в теории структуриации Гидденса менее жестка и императивна, чем в концепции Бурдьё (благодаря включению в аналитическую схему концепта «рефлексивного мониторинга деятельности»), тем не менее поведение на кладбище нерелексивно – им управляет «знание как», а не «знание что»¹⁰.

Темпоральную имманентность практик исследует Бурдьё. «Практика всецело имманентна длительности, – пишет он, – а потому идет рука об руку со временем» [Бурдьё 2001: 158]. Что означает «имманентность длительности»? В первую очередь следование ритму и темпу происходящего: «Спортсмен, вовлеченный в игру, увлеченный игрой, сообразуется не с тем, что он видит, а с тем, что он предвидит, видит заранее в непосредственно воспринимаемом настоящем, и он посылает мяч не туда, где находится партнер, а туда, где тот окажется мгновением позже... И это происходит, как говорится, «прямо на поле», в мгновение ока и в разгар борьбы, то есть в условиях, исключающих дистанцию, взгляд со стороны, общий обзор, отсрочку решения, отрешенность мысли» [Бурдьё 2001: 159]. Таким образом, имманентность длительности – это единство «настоящего» и «настающего».

В другой своей работе Бурдьё замечает: «Социальные агенты... не похожи на субъектов, сталкивающихся с объектом (или даже просто с задачей), который будет конституирован как таковой в интеллектуальном акте познания; они, как говорится, поглощены своими делами (можно было бы сказать «своими действиями»): они присутствуют в грядущем моменте, в деянии, в поступке (греческое *pragma*) – непосредственном корреляте практики (*praxis*), который ... *вписан в настоящее* данной игры» [Бурдьё 1994: 126]. Невозможность дистанции, «выхода» из потока сменяющихся друг друга действий, означает, что у практики есть только длящееся «сейчас» и нет «тогда» (равно как есть «здесь», но нет «там»).

Как же в таком случае концептуализируется контекст практического акта? Если практика осуществляется «здесь и сейчас» и, кроме того, априорно внеположна

⁹ Данная проблема уже была поставлена и неоднократно обсуждалась в социальной географии [Верлен 2001] и социологии пространства [Филиппов 2008].

¹⁰ Само это различие принадлежит Гилберту Райлу, представителю логического позитивизма, признанному авторитету практико-ориентированных теорий.

противопоставлению «внутреннего» и «внешнего» (допущение «внутри то же, что и снаружи»)?

Практико-ориентированная социология исключает возможность определения контекста как существующего «вне» самой практики и независимо от нее. Следовательно, контекст практического акта объясняется через сам практический акт. Апелляция к контексту как к конституирующему фактору, носителю смысла, через который только и может быть понято само содержание практики, в данной логике рассуждений неприемлема. (По выражению Гарфинкеля, «смысл поведения должен быть обнаружен в самом поведении».) Контексты практик рассматриваются или как имманентно включенные в сами практики и не вычленимые из них компоненты (элизия), или как их эффекты, порождения, эфемерные преходящие обстоятельства, формирующиеся в практиках и практиками же трансформирующиеся.

Яркий пример такой редукции, например, *материального контекста* к процессу практического действия можно найти в работах Гарфинкеля и его последователей. Для них никакого исходного, предписанного и нерелятивируемого смысла материальных предметов нет, а есть лишь их партикулярное использование в каждой конкретной практике. Поэтому всякий предмет оказывается «как-если-бы» предметом, чье значение обусловлено его использованием «здесь и сейчас». Гарфинкелевское понятие «*as-of-which object*» указывает на то функциональное место в пространстве и времени, которое материальный предмет занимает благодаря социальной практике¹¹. Например, спички, используемые игроками в покер вместо денежных купюр, не «замещают» денежные купюры, они *суть* деньги в данной конкретной практике.

Именно в этом и состоит парадокс практической теории: стремясь изучить повседневные практические акты, практико-ориентированная социология, устраняющая различие между «внешним» и «внутренним», вынуждена объяснять контекст через саму практику или соединять их в недифференцируемом единстве. (К перспективам двух этих теоретических решений проблемы контекста – *элизии* и *индексации* – мы вернемся позднее.) «Иными словами, – отмечает И.Ф. Девятко, – практика превращается в собственный критерий осмысленности, истинности и справедливости, так что невозможно определить, где проходят ее границы» (курсив мой – В.В.) [Девятко 2003: 298].

Определение границ практики становится неразрешимой задачей в тот момент, когда теоретик постулирует имманентность контекста практического акта самому практическому акту. Вопрос о контексте повседневного действия преобразуется здесь в вопрос о границах повседневной практики. В свете вышеизложенных аргументов проблема контекстуализации повседневного действия оказывается центральной, и именно в постановке «проблемы контекста» и «определении границ» практического акта состоит главное различие между практической теорией и теорией фреймов.

Теория фреймов: контексты и метаконтексты практических действий

Как и практико-ориентированная социология, «теория фреймов» не является целостным теоретическим построением, а представляет собой совокупность концепций, развивающихся в рамках социологии, психологии, когнитивистики, кибернетики и лингвистики. Все эти концепции организованы вокруг проблемы контекстуализации события действия (или высказывания, т.е. события коммуникации). Собственно, *термин «фрейм» и является собирательным обозначением контекста*. Но если в практико-ориентированных теориях точкой отсчета является сам практический акт, уже содержащий в себе условия своего свершения или конституирующий их в процессе осуществления, то в фокусе теории фреймов находится контекст практического акта – контекст, наделенный относительно автономным, независимым от конкретных практик существованием.

¹¹ В дальнейшем Гарфинкель отказался от использования неологизма «*as-of-which*», вернувшись к понятию «ориентированного объекта» (*oriented object*). Я искренне признателен профессору Э.У. Роулзу за разъяснения.

Понятие «фрейм» сегодня чаще всего используется в двух значениях, которые с известной долей условности можно охарактеризовать как «лингвистический» и «социологический». Согласно лингвистическому определению, предложенному в современной когнитивно-ориентированной семантике, фрейм представляет собой когнитивную структуру, рассматриваемую как иерархически выстроенная система знаний об обозначаемом [Цурикова 2001: 145]. Данная структура является «максимально обобщенным схематизированным представлением об основании значения ... схемой образа, лежащей в его основе» [Белявская 1991: 83-84]. Это определение восходит к работе Мервина Минского «Фреймы для представления знаний» [Минский 1979]. Отсюда берет начало исследование проблемы фреймов человеческой памяти, мышления и коммуникации в современной когнитивной психологии [Солсо 1996].

Минский вводит понятие фрейма в теорию искусственного интеллекта и трактует его как статическую информационную структуру, служащую для репрезентации стереотипных контекстов [Минский 1979: 26]. Ч. Филлмор заимствует идеи теории фреймов Минского для построения лингвистической концепции фреймовой семантики. Он определяет фрейм как «когнитивную структуру схематизации опыта» [Филлмор 1988: 24-25]. Таким образом, и в кибернетике, и в лингвистике за фреймом закрепляется дефиниция «элементарной структуры коммуникативного опыта».

Вторая концептуализация «фрейма» предложена Г. Бейтсоном и детально разработана И. Гофманом. В рамках данного определения «фрейм» трактуется как «структурный контекст повседневного взаимодействия». Таким образом, это понятие приобретает психологическую (Г. Бейтсон), а затем социологическую (И. Гофман) трактовку¹².

Что общего у кибернетической, лингвистической, психологической и социологической дефинициях фрейма? Все они определяют фрейм как:

- *структуру*, устойчивую и относительно статичную;
- *когнитивное образование*, элементами которого являются когниции (знания) и экспектации (ожидания);
- *схему репрезентации*, т.е. репрезентирующую и значащую форму.

Тому, что категория фрейма получает столь широкое распространение сразу в нескольких дисциплинах, способствует «когнитивная революция» 50-60-х годов. В этом смысле у всех теорий фреймов общие корни: Минского вдохновляют информационные исследования Норберта Винера, другом и соратником которого долгое время был Бейтсон, повлиявший на психологические (нейро-лингвистическое программирование) и социологические (фрейм-анализ Гофмана) направления в теории фреймов.

В нашем исследовании мы не можем уделить достаточно внимания взаимовлиянию двух линий развития теории фреймов: кибернетико-лингвистической и социолого-психологической. Мы также вынуждены оставить за скобками интересные варианты развития теории фреймов в семиотике (среди них выделим любопытную линию интерпретации понятия «фрейм» в концепции Умберто Эко [Эко 2005: 36-46].)

Книга Минского «Фреймы для представления знаний» и фундаментальный труд Гофмана «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» выходят в течение одного года (1974-1975). Однако в «Анализе фреймов» отсутствуют следы влияния Минского¹³ (так же и в работах Минского не чувствуется влияния Гофмана или Бейтсона). Через шесть лет после выхода «Анализа фреймов» Гофман отметил: «Всякая критика должна учитывать различия в альтернативных концепциях фреймов, которые лишь недавно получили достаточное освещение. Например, работы Шэнка и Эбельсона в психологии,

¹² После чего, опять же, возвращается в когнитивную психологию и когнитивную лингвистику в качестве характеристики восприятия и интерпретации обыденных коммуникативных ситуаций. Так, ссылаясь на Г. Бейтсона, определяют это понятие когнитивные лингвисты Р. Шэнк и Р. Эбельсон [Shank and Abelson 1977].

¹³ В то же время Гофман был хорошо знаком с работами Филмора, предшествующими созданию им фреймовой семантики. В «Анализе фреймов» ссылки на книгу Филмора «Прагматика и описание дискурса» появляются еще до ее публикации.

Минского в исследованиях искусственного интеллекта и Филлмора в лингвистике. Действительно, сегодня можно написать книгу, сфокусировавшись на понятии “фрейм”, и не затронуть “фрейм” в том смысле, в каком о нем пишу я или Бейтсон» [Goffman 2000: 89]. (Примером такой книги является разбираемая Гофманом работа Деборы Таннен [Tannen 1993].)

Можно заключить, что обе версии теории фреймов (кибернетико-лингвистическая и психолого-социологическая) развиваются синхронно, но независимо друг от друга.

В основе социологической концептуализации фрейма лежит установка на изучение повседневного социального взаимодействия как «контекстуального целого», сформулированная в американском прагматизме. «Мы никогда не воспринимаем и не формируем суждений об объектах и событиях изолированно, – писал Дж. Дьюи, – а только в связи с контекстуальным целым. Это последнее и есть то, что называется *ситуацией*» [Dewey 1966: 66]. Ситуация – категория, вводимая для исследования контекстуализации человеческого взаимодействия. Предложенная в философии прагматизма она переходит в социологию Чикагской школы, где детально разрабатывается Уильямом Томасом [Social 1991: 6], а затем становится одним из центральных понятий символического интеракционизма [Blumer 1969], [Glaser, Strauss 1972]¹⁴.

Ситуации принадлежат к классам обобщенных ситуаций. Переходя от рассмотрения отдельных ситуативных рамок организации повседневного опыта, обретаемого в процессе межличностной коммуникации, к расширенным порядкам взаимодействия, теоретик наблюдает мультипликацию (по выражению Гофмана – «наслоение» (layering)) социальных контекстов. Так возникает вопрос о «*предельном контексте*», или «контексте контекстов». Этот вопрос позволяет связать проблему контекстуализации практического действия с проблемой границ социальной реальности, которая и является, при данной постановке вопроса, предельным контекстом действия.

У. Джемс называет такой предельный контекст «универсумом» [James 1950], и, трактуя его в духе собственного тезиса о «плюралистичности вселенной», описывает расслоение универсума на «субуниверсумы» – замкнутые области контекстов, подчиняющиеся собственной логике организации. Каждой такой области присущ свой «модус реальности». Собственно, Джемсу принадлежит первое определение социальной реальности в категориях теории фреймов: «реальность – есть *окаймление* нашей вовлеченности» [James 1950: 320]. Термин «окаймление» (fringe), в том виде, в каком его использует Джемс, вряд ли может претендовать на строгость научного понятия, однако в нем точно передана «рамочная метафорика»¹⁵, свойственная теории фреймов.

Повседневность, по Джемсу, является одним из таких субуниверсумов (наряду с мирами религиозного опыта, безумия, научного теоретизирования и чудачества), его границы – это внешние границы области всех частных контекстов обыденного опыта. Таким образом, в прагматистской философии формулируется еще одна характеристика фрейма (контекста):

- контексты организованы в метаконтексты (frameworks, «системы фреймов» или «фреймы фреймов»). Одним из таких метаконтекстов является повседневная реальность как совокупность рутинных социальных взаимодействий.

Контексты не существуют в изоляции друг от друга, они всегда находятся между собой в некоторых отношениях. Не только метаконтекст вмещает в себя ситуативные контексты повседневных действий, но и сами эти контексты – «званный ужин», «деловая беседа», «подписание документа», «выезд на природу с коллегами» – вмещаются друг в друга, на манер матрешки. «Подлинный философ, – замечает Джемс, – не просто стремится

¹⁴ Ирвинг Гофман в ранних работах также выбирает это понятие в качестве отправной точки своего анализа повседневности, однако затем заменяет его понятием «фрейма».

¹⁵ Бейтсон дает великолепную иллюстрацию этой метафорике в металоге «Почему вещи имеют очертания?» [Бейтсон 2000].

поместить каждый объект своего мышления на положенное ему место в том или ином субуниверсуме; он также пытается прояснить отношения между субуниверсумами, как элементами охватывающей их тотальности» [James 1950: 319].

Идеи Джемса о множественности реальностей получают развитие в феноменологической социологии Шюца. Шюц детально исследует характеристики «субуниверсумов» (в его определении – «конечных областей смысла»¹⁶ [Шюц 2003]). Конечные области смысла существуют как «контексты контекстов», потенциально каждый из них может быть актуализирован, получив акцент реальности. Шюц возражает Джемсу: «Мы говорим об областях смысла, а не о субуниверсумах потому, что именно смысл нашего опыта, а не онтологическая структура объектов конституирует реальность» [Шюц 2003: 17].

Перенесение фокуса теоретического внимания с онтологических структур метаконтекста на опыт действующего актора не случайно. Это феноменологическая ревизия прагматизма. Хотя Джемс отнюдь не склонен игнорировать субъективный опыт (иначе речь не шла бы об «окаймлении вовлеченности»), его гораздо больше интересует собственная логика организации субуниверсумов, присущая им как замкнутым областям социального опыта. Еще дальше заходит в этом направлении Дж. Г. Мид, определивший реальность в духе тезиса А.Н. Уайтхеда об «организации существующих в природе перспектив» [Mead 1987: 163]. Специфические формы опыта, присущие каждому из контекстов, не рассматриваются при этом как субъективные, поскольку перспективы не принадлежат субъектам, а вплетены в саму ткань мира. Шюц же следует рассуждению Гуссерля: «любые реальные единства суть единства смысла» [Шюц 2004:123]¹⁷. Следовательно, границы метаконтекста (или «конечной области смысла») суть границы возможного осмысления действия. Поступки Дон Кихота – нападение на ветряные мельницы, борьба с великанами и поиски Дульцинеи [Шюц 2003: 21] – не лишены смысла; напротив, они осмыслены в метаконтексте его воображаемого мира.

В каком отношении находятся метаконтексты и типичные частные контексты действия? Шюц не находит ответа на этот вопрос. Его попытки описать внутреннюю организацию метаконтекстов ограничиваются воспроизведением предложенной Дж. Г. Мидом стратификации повседневности: от «манипуляторной области», границы которой конституированы возможностью манипуляции с доступными объектами, до «мира вне пределов досягаемости» [Шюц 2003: 13]. Это решение практически не находит отклика в последующем развитии теории фреймов. Более продуктивной оказывается иная идея, заимствуемая для ответа на этот вопрос из феноменологической традиции – идея «скобок», пограничных знаков разделяющих эпизоды опыта [Гофман 2003: 73]. Таким образом, границы контекстов и метаконтекстов различаются как внутренние и внешние «скобки». Метаконтекст (фрейм фреймов) задает границы осмысленности партикулярных контекстов (фреймов), в которых происходят обыденные события.

Подобная трактовка соотношения внутренней и внешней контекстуализации развивается в работах Бейтсона. Он заимствует идею «скобок» и акцентирует необходимость изучения дискретных элементов повседневного взаимодействия. Отсюда следующая конститутивная черта фрейма:

- фрейм – это экспликация *дискретности* повседневной жизни; за теорией фреймов стоит «интуиция дискретного», представление о мире повседневности как об имеющем отчетливые внутренние и внешние границы.

¹⁶ Другой философ-феноменолог А. Гурвич, чья работа «Поле сознания» также оказала влияние на категориальный аппарат теории фреймов, использует определение «порядки существования» [Gurwitsch 1964]. Гофман зачастую употребляет именно эту дефиницию для указания на «фреймы фреймов» [Гофман 2003: 62-63]. Любопытно, что дефиниция Гурвича ближе к исходному определению Джемса, который называет «субуниверсумы» также «порядками реальности».

¹⁷ Позднее данную проблему противопоставления «контекста как единства осмысленного опыта» и «контекста как единства условий осознания (awareness context)» попытается разрешить Гофман, для нас же важно зафиксировать это различие как расхождение двух интерпретаций контекста: прагматистской и феноменологической.

«Интуиции дискретного» противостоит «интуиция континуального»: склонность к интерпретации исследуемого объекта в категориях метафоры «потока». В данной метафорике может осмысливаться не только повседневная деятельность («поток символически опосредованного взаимодействия» у Блумера или «поток практик» у Гарфинкеля), но и сам опыт повседневного мира, практическое сознание («поток сознания» в работах Джемса). Противопоставляя дискретность поточности, теория фреймов наделяет исследуемую повседневную реальность свойствами «элементарности», «собранности», «прерывности».

Оригинальность замысла Бейтсона отчасти определяется его междисциплинарностью: Бейтсон попытался синтезировать идеи феноменологии и прагматизма с достижениями теоретической логики (концепцией логических типов Б. Рассела), лингвистики (гипотеза лингвистической относительности Уорфа-Сепира) и «когнитивной революции». В работе «Теория игры и фантазии» [Бейтсон 2000] термин «фрейм» служит не столько для указания на контекстуальность действия или границы осмысленности воспринимаемого (воображаемого), сколько для определения структурных особенностей повседневной коммуникации. Важнейшей из таких особенностей является использование метакоммуникативных и металингвистических сообщений.

Так, наблюдая за поведением обезьян в зоопарке Сан-Франциско, Бейтсон обнаружил и описал характерные метакоммуникативные знаки, которыми обменивались особи, играющие в драку. Сама возможность игры существует только благодаря сообщению «это – игра», которым обмениваются взаимодействующие. Данное сообщение метакоммуникативно – оно требует взгляда извне взаимодействия, указания на его контекст. «Сигналы, которыми обмениваются в контексте игры ... парадоксальны дважды: во-первых игривый прикус не означает того, что означал бы замещаемый им укус, а во-вторых – сам укус вымышлен. Играющие животные не только не вполне имеют в виду то, что сообщают, но также и сама коммуникация происходит по поводу того, что не существует» [Бейтсон 2000: 210].

Мир игры организован по своим собственным правилам: в нем реально то, что не существует «на самом деле». Однако реальность эта «заключена в скобки», а, следовательно, требуется действие расстановки скобок – действие, утверждающее границы контекста. В терминологии Бейтсона таковым является «сообщение о границах», «уговор», «инструкции», указание на то, что все последующие действия должны восприниматься иначе, чем предыдущие. Игра, как особый контекст действия, требует предварительного уговора: «Это – игра». «Любое сообщение, – резюмирует Бейтсон, – эксплицитно или имплицитно устанавливающее фрейм, в силу самого этого факта дает инструкции получателю либо способствует его усилиям понять сообщения, заключенные во фрейм» [Бейтсон 2000: 215].

Таким образом, Бейтсон выделяет следующую конститутивную характеристику фрейма:

- фрейм – *метакоммуникативное образование*, «сообщение о сообщениях», он не сводим к остальным элементам коммуникации и не выводим из них; фрейм не принадлежит ни содержанию («деятельности в фрейме»), ни окружению («деятельности за фреймом»).

Именно Бейтсон, синтезировав достижения когнитивистики, исследований коммуникации и психологии, открыл (как ни парадоксально это звучит) перспективу собственно социологической концептуализации фрейма. В работе «Теория игры и фантазии» он предлагает использовать два вида аналогий для описания фрейм-аналитического исследования: аналогию рамы картины и аналогию математического множества. «Первый шаг к определению фрейма может состоять в высказывании, что он (фрейм) является классом или ограничивает класс (множество) сообщений (осмысленных действий). Тогда игра двух индивидуумов при определенных обстоятельствах будет определяться как множество всех сообщений, которыми они обменялись за ограниченный период времени... В теоретико-множественной схеме эти сообщения будут представляться точками, а

”множество” может очерчиваться линией, отделяющей их от других точек, представляющих неигровые сообщения» [Бейтсон 2000: 214].

Если по обе стороны «границы» находятся сообщения одного «логического типа» (здесь Бейтсон апеллирует к категориальному аппарату теории логических типов Рассела), то речь идет о партикулярном фрейме («игра двух молодых орангутангов»); если же границы контекста совпадают с границами логического типа и, например, множество игровых сообщений отделяется от множества неигровых – значит, перед нами пример метаконтекста («игра»). Эпизоды одной и той же игры могут осуществляться в разных фреймах (имитация погони, имитация драки, имитация капитуляции), но принадлежат они одной и той же системе фреймов, одному метаконтексту. Иными словами, метаконтекст – это фрейм, охватывающий все фреймы, относящиеся к одному логическому типу. Таковы джемсовские «субуниверсумы» и шюцевские «конечные области смысла».

Трудность состоит в том, что аналогия, заимствованная из теории множеств, чрезмерно абстрактна и неизменно заводит все последующие рассуждения в область формальной логики. Она не дает представления о фрейме как о «реально существующем» контексте. Фрейм настолько реален, насколько распознается участниками взаимодействия или аналитиком. Подтверждением «распознаваемости» фрейма для Бейтсона служит наличие соответствующих понятий в словаре: «игра», «фильм», «работа», «интервью» – все они отсылают к тому или иному множеству контекстуально организованных действий.

Другой способ метафорического описания фрейма – его сравнение с рамой картины. «Если аналогия с математическим множеством, возможно, чрезмерно абстрактна, то аналогия с рамой картины чересчур конкретна. Концепт, который мы стараемся определить, не является ни физическим, ни логическим. Скорее фактические физические рамы добавляются к физическим картинам из-за того, что человеческим существам легче действовать в мире, где некоторые из их психологических характеристик экстерииоризированы» [Бейтсон 2000: 214].

Бейтсон пишет об экстерииоризированных психологических фреймах. Но его логика анализа ничуть не более «психологична», чем теоретические построения Джемса и Шюца. Более того, Джемса, Шюца и Бейтсона объединяет общая постановка проблемы: если социальная реальность «множественна», метаконтексты действий в ней образуют замкнутые миры смысла («сон», «теоретизирование», «игра», «фантазия», «повседневная рутина»), то как возможно единство социального опыта, объемлющего опыт взаимодействия во всех этих многочисленных контекстах?

Все теоретические построения, на которые опирается теория фреймов, – независимо от того, продуцированы ли они психологией, социологией или когнитивистикой – ориентируют исследователя на изучение сложной машинерии социальных контекстов, рамок взаимодействия. Эти рамки обнаруживаются в пространственно-временной организации взаимодействия и в самой коммуникации, но они не являются частью практического действия, как рама картины не является частью пространства «внутри» картины, а кавычки и скобки – не являются частью помещенной в них фразы. По замечанию Эвиатара Зерубавеля, ученика Гофмана и представителя когнитивной социологии, «...фрейм характеризуется не по своему содержанию, а по тому особому способу, которым он трансформирует значение этого содержания» [Zerubavel 1991: 11].

Описанная выше трактовка фрейма как относительно независимого от своего содержания контекста практического акта закрепляется в социальной теории и дает начало собственно социологическому исследованию организации контекстов повседневных взаимодействий. Однако прежде чем мы обратимся к фрейм-анализу в социологии и попытаемся раскрыть его теоретические перспективы, нам следует вернуться к исходному противопоставлению «фрейма» и «практики» как двух альтернативных проектов исследования повседневности. Теперь мы знаем, что ключ к пониманию этой альтернативности следует искать в проблематике определения контекста повседневного действия.

Метафора «фигуры и фона» в теории практик. Контекст как фоновая практика

Выше мы попытались проследить теоретические истоки практико-ориентированной социологии и теории фреймов, выделив конститутивные черты в определениях их базовых понятий – «фрейм» и «практика». Хотя оба подхода изначально сфокусированы на исследовании мира повседневности, мы можем констатировать существенное расхождение в способах ее концептуализации. Размежевание двух подходов связано с постановкой проблемы *контекстуальности повседневного взаимодействия*: в практико-ориентированных теориях и фрейм-анализе используются принципиально различные стратегии определения контекста.

Решения этой проблемы, предлагаемые теоретиками практик, колеблются от растворения контекстов практических действий в самих действиях до попыток определить содержание практик через окружающие их практики.

Первое решение (которое мы, вслед за М. Арчер, будем называть *элизией*) превращает проблему контекста в проблему периферийную – внимание теоретика сосредотачивается на содержании практических актов, а их контексты упускаются из виду или сводятся к пространственно-временным характеристикам действия. (По определению Э. Гидденса, «контекстуальность – есть характер взаимодействия в пространстве и времени...» [Гидденс 2003: 499].) В дополнение постулируется, что пространство и время не «*вмещают*» практики (это означало бы, что пространственно-временные ограничения первичны, т.е. предшествуют практическим актам и являются автономными условиями их совершения), а «*производятся*» ими. Производство пространства и времени социальными практиками – одна из центральных тем практико-ориентированной социологии¹⁸.

Второе решение проблемы контекста (назовем его вслед за Г. Гарфинкелем и Х. Саксом *индексацией*) в практико-ориентированной социологии развито теоретиками-этнометодологами. Контекст практического акта приобретает здесь определенность за счет смежных практических актов – так называемых фоновых практик, опирающихся на неэксплицированное и разделяемое всеми участниками взаимодействия практическое знание.

Идея фоновых практик заимствуется Гарфинкелем из работ Витгенштейна. «Как можно описать человеческое поведение? – формулирует вопрос Витгенштейн. – Несомненно, лишь показав все разнообразие человеческих действий в их полном смешении. Не то, что один человек делает в данный момент, а вся сумятица [действий] образует тот фон, на котором мы видим любое действие, и который задает наши суждения, наши понятия и наши реакции» [Витгенштейн 1994: 97]. Сходную формулировку предлагает Дж. Серль: «Для большого числа случаев буквальный смысл предложения или выражения задает условия собственной истинности только при наличии набора фоновых допущений и практик (*background assumptions and practices*)». При этом под фоновыми практиками подразумевается вся совокупность принятых форм действия, способов взаимодействия, коммуникативных конвенций и т.п. [Searle 1983: 141-159]. И у Витгенштейна, и у Серля контекст практического акта (поступка, сообщения) концептуализируется в категориях «фона» или «заднего плана». Соответственно, сама анализируемая практика, находящаяся на «переднем плане», рассматривается как «фигура на фоне».

«Фигура» и «фон» – понятия, предложенные в гештальт-психологии (К. Коффка, М. Вертгеймер) для характеристики механизма зрительного восприятия. Однако затем эти категории стали успешно использоваться для описания механизмов смыслообразования в психотерапии (Ф. Перлз), социальной психологии (К. Левин), когнитивистике (Д. Хофшtedтер). По определению В. Волкова, применительно к анализу практического акта

¹⁸ Данный мотив обнаруживается в работах Бурдьё и Гидденса. Гидденс здесь следует выводам Фуко об «образовании» пространства и времени [Гидденс 2003:217-235]. (Сходные идеи применительно к организации пространства выражены в работе социолога-неомарксиста А. Лефевра «Производство пространства» [Lefebvre 1994].)

фоном является «деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение» [Волков 1997]. Сходным образом Гарфинкель пишет о «практических-действиях-в-контексте» – о практиках контекстуализированных другими практиками (например, практиками интерпретации): «Тот факт, что каждый человек ощущает этот фон, вполне очевиден, и в то же время всякий испытывает большие затруднения, если его попросят рассказать точно, в чем эти ожидания состоят. Когда человека спрашивают об этом, он может рассказать очень немного или не может рассказать вообще ничего» [Гарфинкель 2004: 43]. Таким образом, контекст, понимаемый как «фон», представляет собой нечто «видимое, но не замечаемое».

Приведенные определения фонового контекста восходят к витгенштейновской идее «языковой игры» как «единого целого, образуемого языком и действиями, с которыми он переплетен» [Витгенштейн 1994]. Например, фраза «пять плит» произнесенная на строительной площадке, может функционировать в качестве команды, а не в качестве констатации числа предметов (что следовало бы из формальной структуры высказывания). Командой ее делает не содержание сообщения, а окружающий его фон – практические акты строителей и их идентификация тем, к кому обращена команда.

Гарфинкель приводит сходный пример «переплетения» действия и его контекста, высказывания и фона: «Профессор Эдвард Роуз, коллега из университета штата Колорадо, сообщает о практике, в которой умышленно используется свойство, состоящее в том, что определенность обусловленных обстоятельствами деталей *образуется* из их следствий... По прибытии в город, которого Роуз никогда прежде не видел, его встречает в аэропорту принимающее лицо. В то время как они едут домой, Роуз смотрит в окно – то есть после делания [смотрения вперед] делает [смотрение на что-то убегающее вдаль], поворачивая голову по мере движения автомобиля. Перед Роузом стоит задача заставить партнера объяснить ему, на что он глядел. Делание заслуживающих внимания деталей [смотрения вперед] и [смотрения на что-то убегающее вдаль] и их серийное упорядочение представляют самую суть дела и составляют хитрость Роуза. Продолжая делать [выглядывание в окно], Роуз замечает: “Он определенно изменился”. На это его хозяин может сказать что-то вроде “Прошло десять лет, прежде чем они перестроили квартал после пожара”... » [Гарфинкель, Сакс 2003: 135-136]. Коммуникативное сообщение и практический акт взаимоопределяют друг друга, взаимоконтекстуализируются. «Выглядывание в окно» оказывается фоновым действием для «акта говорения»; без него смысл фразы ускользнул бы от собеседника. В свою очередь, сообщение «Он определенно изменился» проясняет смысл действия, делает его объяснимым (accountable).

На примере, приведенном Гарфинкелем, можно заметить, каким образом практический акт и его контекст (описанный через другой практический акт) меняются местами в процессе их аналитического различения и интерпретации. До тех пор, пока «делание заслуживающих внимания деталей» составляет «фон» фразы, оно определяется как контекст, но как только внимание переносится на само «выглядывание из окна», контекстом становится коммуникативное сообщение. Это свойство фигуры и фона меняться местами Д. Хофштедтер называет *рекурсивностью* [Хофштедтер 2001: 85]. Применительно к повседневным практическим действиям правило рекурсивности означает, что граница между фигурой и фоном не фиксирована: «...то, что виделось как фигура может вытесняться на задний план, становясь фоном и давая возможность выделиться другой фигуре».

Рекурсивность практик связана с их рассмотрением в качестве имманентных актов, совершающихся в предельно конкретных условиях, на фоне других подобных им актов. Не «контекстуализованное действие», но «действие-в-контексте» является предметом этнометодологического анализа. Действие и контекст у Гарфинкеля опять же оказываются нераздельными, растворенными друг в друге (хотя постулируется это не столь явно, как в работах Гидденса или Бурдьё). Стилистический прием этнометодологов – описание-содержания-действия-и-контекста-его-осуществления-через-дефис – подчеркивает рядоположность, взаимопроникновение и рекурсивность явлений, описываемых посредством

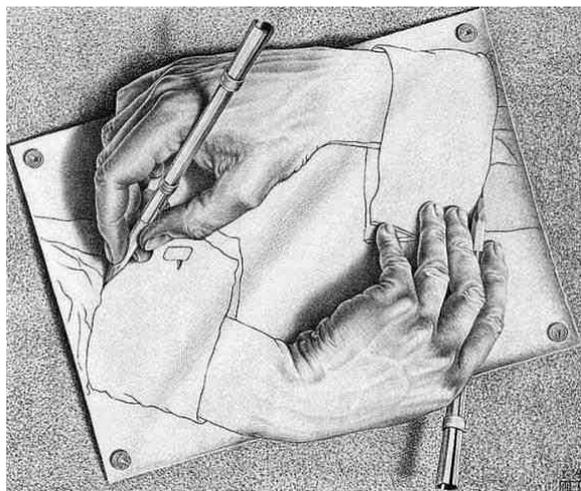
метафоры фигуры и фона. Достаточно выделить одно из слов в этой цепочке курсивом, и остальные слова превратятся в окружающий фигуру фон. Но соотношение это рекурсивно – ничто не мешает переставить акценты: «*действие-в-контексте*» и «*действие-в-контексте*» структурно изоморфны, лишь ударение (т.е., «фокусировка») выделяют фигуру из фона.

Этот тезис проявляется в рассмотрении практик как *индексичных* феноменов (по аналогии с индексичными выражениями обыденного языка). Например, индексичное выражение «Я посвященный», анализируемое в трактате по логике «Dissoi Logoi» (дословно – «Двойные речи», примерно 300 г. до н.э.), не подлежит идентификации в качестве ложного или истинного до тех пор, пока не установлено кто, когда и в каком статусе его произносит [Гарфинкель, Сакс 2003: 109-110]. Таким образом, индексичное выражение не просто отсылает к контексту, но «содержит его в себе». Отношения действия и контекста в этнометодологии рекурсивны именно потому, что практический акт, будучи *средством* референции чего-то остающегося на «заднем плане», всегда может стать *предметом* референции, если содержание «фона» начнет рассматриваться как «фигура». В этом смысле гарфинкелевские тезисы о «решающей релевантности контекста» [Гарфинкель 2004: 113] и индексичности практических актов не противоречат общему для всей практико-ориентированной социологии положению об имманентности контекста самому практическому действию.

Подобная интерпретация контекста практического акта открывает путь релятивизации этого понятия. Контекст, по версии этнометодологии, не обладает самостоятельным существованием вне анализируемой практики, каждая конкретная контекстуализация практического действия уникальна и требует отдельного рассмотрения. А потому контекст оказывается «как-если-бы» (as-of-which) контекстом, подобно тому, как вовлеченный в практическое действие материальный объект – «как-если-бы» объектом (спички не замещают деньги в карточной игре, они суть деньги в данной конкретной практике).

Любопытно, что, разрабатывая вместе с Х. Саксом идею индексичности, Гарфинкель в своем решении проблемы контекста повседневных практических действий отказывается от выводов феноменологической социологии Шюца (которой был многим обязан на первых этапах создания своей концепции). У Шюца – в работе, выпущенной после его смерти Т. Лукманом, – недвусмысленно заявлен тезис необходимого «*подавления индексичности*» социальных ситуаций, без которого невозможна их типизация [Schutz, Luckmann 1975; цит. по: Абельс 2000: 93]. Ведь если каждое повседневное действие «абсолютно индексично» и неразрывно спаяно со своим контекстом, то невозможно никакое генерализованное описание элементов повседневного мира. Соответственно, само понятие «типизации» лишается права на существование. Шюц настаивает на процедуре подавления индексичности как на методологическом требовании «абстрагирования от частных случаев». Гарфинкель, напротив, полагает, что «не только не существует какого-либо понятия контекста-вообще, но и каждое без исключения использование слова “контекст” индексично само по своей сути» [Garfinkel 1967: 10]. Любопытно также и то, что Шюц настаивал на априорной недостаточности метафоры фигуры и фона для описания действий в повседневном мире. Он противопоставляет ей традиционные феноменологические концепты «тематического ядра» и «горизонта». (Более подробно о «тематическом ядре», «внутреннем горизонте» и «внешнем горизонте» см. в [Шюц 2004].)

Метафора «фигуры и фона» оказывается базовой метафорой практико-ориентированной социологии в том, что касается определения соотношения практического акта и его контекста. Она передает две отличительные черты «практической» дефиниции контекста: *индексичность* (отсутствие жесткой границы между контекстом и самим действием) и *рекурсивность* (фигура и фон, действие и его контекст способны меняться местами, как изображения на картинах Эшера). Характерно, что теоретики-этнометодологи Х. Меган и Х. Вуд [Megan, Wood 1974] в качестве наглядной иллюстрации практического акта в его рекурсивности и индексичности использовали картину Морица Эшера «Рисующие руки»:

Рекурсивность и индексичность практических актов, описанных при помощи метафоры «фигуры и фона», иллюстрируют переосмысление отношений «внутреннего» и «внешнего» в исследовании повседневности, как оно мыслится теоретиками практик.

Между «фигурой» и «фоном». Контекст как форма в теории фреймов

Что находится между фигурой и фоном? И что лежит «по ту сторону» фона, если здесь вообще позволительно говорить о «той стороне»? Можно ли сказать, что двумя этими категориями исчерпывающе выражается наша интуиция повседневной социальной реальности? Данное допущение приемлемо, если мы признаем за социальной реальностью некоторую «однородность состава»: например, утверждение «практики – это все, что делается или обнаруживается в социальном мире» постулирует таковую однородность, а метафора «фигуры и фона» объясняет саму возможность отличия практического акта от окружающих его практик существованием различий между явными и неявными практиками (практиками «в фокусе» и «не в фокусе»). Но если мы не принимаем «монизма» теории практик и отказываемся редуцировать все содержание повседневного мира к единому «материалу и источнику» – социальным практикам – то метафора фигуры и фона нас вряд ли устроит.

Принципиально иная метафорика повседневного контекста предложена в теории фреймов. Если в практико-ориентированной социологии контекст определяется как фон, то для теории фреймов контекст – это в первую очередь *форма*. «Каким бы изменчивым ни было содержание кувшина, – пишет Гофман, – его ручка остается вполне осязаемой и неизменной» [Гофман 2003: 322].

Между фигурой и фоном пролегает слабо различимая грань, которая и придает ясные очертания фигуре. По своему положению она не относится ни к фигуре, ни к фону. Граница, разделяющая их, описывается лишь с использованием приставки «*мета-*». Зерубавель называет эту грань «межсоединением» или «тонкой линией» (*fine line*) [Zerubavel 1991], Джемс – «окаймлением» (*fringe*) [James 1950], Бейтсон – «очертанием» (*outline*) [Бейтсон 2000]. Гофман несколько вольно использует гуссерлевский термин «скобки» (*brackets*)¹⁹.

¹⁹ Гуссерль, замечает: «Я могу понять какое-либо положение лишь после того, как заключу его в скобки» [Гуссерль 1999: 73]. Это утверждение указывает на специфику организации опыта – его дискретную представленность сознанию. Собственно, «заключение в скобки» являет собой первый этап процедуры феноменологической редукции. В теории фреймов дискретность атрибутируется не столько опыту, сколько самой повседневной реальности. «Деятельность, находящаяся в определенном фрейме, – пишет Гофман, – часто выделяется из непрерывного потока окружающих событий специальным набором пограничных знаков или некими условными скобками ... Такие знаки, подобно деревянной картинной раме, предположительно не являются ни частью содержания соответствующей деятельности, ни частью мира вне ее, но, скорее, пребывают и внутри и снаружи» [Гофман 2003: 326].

Все эти авторы иллюстрируют свои концептуальные построения уже разбиравшимся нами выше примером с рамой картины. Впрочем, для иллюстрации различия того, что Шюц назвал бы «областями смысла» пример с картинной рамой использовал еще Зиммель. «Современные теории искусства, – писал он, – решительно подчеркивают, что подлинной задачей живописи и пластики является пространственное изображение вещей. В этой связи легко упустить из виду, что пространство внутри картины представляет собой совершенно иной образ, чем то, реальное, в котором мы живем. Ибо если к предмету внутри этого пространства можно прикоснуться, то на картине его можно только созерцать; если каждая действительная часть пространства ощущается нами как часть бесконечности, то пространство картины – это замкнутый в себе мир; если реальный предмет состоит во взаимодействии со всем, что движется или покоится рядом с ним, то содержание произведения искусства обрывает эти связи и объединяет в самодостаточное единство лишь собственные элементы – его бытие протекает по ту сторону реальности. Из опыта действительности, откуда произведение искусства, разумеется, берет свое содержание, оно создает *свое суверенное царство*. (Курсив мой – В.В.) В то время как холст и краски на нем представляют собой части действительности, существование возникающего с их помощью художественного произведения протекает в идеальном пространстве, которое так же мало соприкасается с реальным, как могут соприкасаться друг с другом звуки и запахи» [Зиммель 2006а: 43].

В зиммелевской интерпретации рама картины разделяет области, где действуют разные «законы»: по одну сторону рамы – законы восприятия произведений искусства, по другую – законы повседневности. На языке феноменологической социологии такое различие следовало бы отнести к «внешним скобкам», разделяющим конечные области смыслов. Но подобная иллюстрация удовлетворительна только в случае определения метаконтекста, самостоятельного субуниверсума, например повседневной реальности как таковой.

Соответственно, можно говорить о двух типах таких контекстообразующих границ – внутренних и внешних. Первые различают фигуру и фон, вторые – отделяют контекстуальное целое фигуры и фона от их общего контекста (или метаконтекста). Иллюстрация внутренних границ – различие между передним и задним планом изображения на картине (или, как в случаях с картинами Руо и Блейка, – очерченными на картине людьми и предметами), тогда как рама самой картины – аналогия для определения внешних границ.

В чем принципиальное отличие контекста, понимаемого как «фон» от контекста в теории фреймов? Рассмотрим пример, предложенный В.Волковым для иллюстрации идеи «контекста как фона».

«Правомерно говорить о совокупности практик совместной деятельности, навыков, обычаев, образующих культурный фон, который едва ли поддается полной экспликации (всегда только частями) или кодификации. При этом, в каждом конкретном случае, различные фрагменты этой совокупности практик, принятых в данной культуре, функционируют как практическое знание того, как обращаться с людьми и предметами для достижения определенных целей.

Поясним данное положение на примере. В городе Петербурге на автобусной остановке на проспекте Космонавтов к столбу прибита табличка следующего вида:

Памятники Надписи и портреты Плитки адрес: Свеабургская д. 58 телефон: 298-44-99
--

Более никаких пояснений нет. Тем не менее, предполагается, и совершенно обоснованно, что они не нужны: любой человек будет в состоянии правильно понять, а,

значит, воспользоваться по необходимости данным адресом или телефоном. Действительно, мы понимаем, что речь идет о кладбище, похоронах и связанных с этим вещах. Но как же мы понимаем, что имеются в виду не памятники архитектуры, не живописные портреты и не кафельные плитки, а некоторые надгробные атрибуты? Вот здесь уместно сказать о фоновом или неявном знании или о знании фоновых практик обращения с умершими как это принято в нашей культуре. Именно это знание придает однозначность и гарантирует беспроблемность коммуникации: это наше общее культурное знание, постольку, поскольку мы все разделяем данную форму жизни (в этом случае формой жизни выступает как бы форма смерти)» [Волков 1997: 39].

Представим теперь, что табличка выглядит иначе:

<p style="text-align: center;">Внимание! Всем, кто видел человека, разместившего на автобусной остановке по пр-ту Космонавтов следующее объявление</p> <table border="1"><tr><td><p style="text-align: center;">Памятники Надписи и портреты Плитки адрес: Свеаборгская д. 58 телефон: 298-44-99</p></td></tr></table> <p style="text-align: center;">Просьба обратиться в УВД г. Санкт-Петербурга, тел. 260-55-02</p>	<p style="text-align: center;">Памятники Надписи и портреты Плитки адрес: Свеаборгская д. 58 телефон: 298-44-99</p>
<p style="text-align: center;">Памятники Надписи и портреты Плитки адрес: Свеаборгская д. 58 телефон: 298-44-99</p>	

Что теперь «придает однозначность и гарантирует беспроблемность коммуникации»? «Фоновые практики» обращения с правоохранительными органами, «принятые в нашей культуре»? Почему, в таком случае, теперь актуализируется именно это фоновое знание, а не знание практик обращения с умершими? Анализируя краткий текст коммуникативного сообщения, написанного на табличке, В. Волков слишком поспешно приходит к выводу об отсутствии и избыточности всяких «дополнительных сообщений». Главным дополнительным метакоммуникативным сообщением здесь является сама табличка, «говорящая» читателю, какую именно схему распознавания следует применить к данному тексту. Стоит провести «рефрейминг» – т.е. иначе контекстуализовать повседневное сообщение – и в его распознавании начинает использоваться иная схема. По сути, поместив текст объявления в другое объявление, мы переопределили «внешние скобки», разделявшие сообщение и ситуацию его прочтения (т.е. различные «области значений»), как «внутренние скобки», выделяющие одно сообщение в другом сообщении.

Невнимание теоретиков практик к метакоммуникативным сообщениям, пронизывающим повседневный мир и обеспечивающим связность контекстов обыденных действий, – закономерное следствие понимания контекста повседневного действия (сообщения) как рекурсивного и индексичного «фона». Напротив, контекст, понимаемый не как фон, а как форма, не индексичен. Он не «спаян» с «фигурой». Мы можем говорить о табличке, прибитой к фонарному столбу, как об определенном контексте повседневного сообщения, независимо от того, что именно на ней написано. Это, собственно, и имел в виду Гофман, проводя (очень зиммелеанскую по своей интенции) аналогию с кувшином, содержание которого всегда различно, но ручка неизменна.

Кроме того, контекст в теории фреймов, не рекурсивен. Он не меняется местами с содержанием действия, которое призван контекстуализовать, поскольку иначе он бы утратил свою функцию *метакоммуникативного* сообщения. Области, разделяемые «формой», могут

принадлежать одному «порядку существования» (как это бывает в случае с внутренними скобками), но сама эта форма не принадлежит тому же порядку.

Вместо свойств рекурсивности и индексичности теория фреймов наделяет повседневный контекст характеристиками *переключаемости* и *репрезентативности*.

Переключаемость контекстов – это характеристика способности к повторной контекстуализации, «переключению» (keying) и «повторному переключению» (rekeying). Примером переключения контекстов может служить описанный выше результат включения одного объявления в границы другого объявления. Превращение «внешних границ» во «внутренние границы» переформатирует сообщение. Другой пример переключения – «игра» приматов, описанная Бейтсоном. В контексте «игры» воспроизводятся действия, свойственные контексту «драки», но игра трансформирует содержание этого контекста, переводит его в плоскость «несерьезного», превращенного взаимодействия. Таким образом, переключение обнаруживается везде, где имеет место систематическая трансформация содержания повседневных действий (сообщений) в результате их реконтекстуализации.

Другое свойство повседневных контекстов, тесно связанное с переключаемостью и акцентируемое теорией фреймов, – репрезентативность. Предполагается, что контекст обыденного действия должен быть понят не просто как автономная от содержания и способная к трансформации «форма», но как форма репрезентативная, «значащая». Форма сообщения также представляет собой сообщение [Бейтсон 2000]. Кавычки и скобки, не только маркируют помещенный в них текст – они сами являются текстом [Хофшtedтер 2001]. Рама картины не просто физически разделяет две области пространства, она несет символическую нагрузку [Зиммель 2006b].

Получается, что и «форма сообщения», и само «сообщение» – суть сообщения? И действие в фрейме, и действие, учреждающее фрейм (по Бейтсону: уговор, расстановка кавычек, принятие правил игры) – суть действия? Не значит ли это, что утверждение репрезентативности контекста в теории фреймов – просто завуалированный тезис о рекурсивности фигуры и фона? Отнюдь нет! Фрейм не сводится ни к действиям, его учреждающим, ни к действиям, им контекстуализованным. Говоря о том, что фрейм – *метакоммуникативное образование*, теоретики фреймов акцентируют приставку «мета-». Действие в фрейме и сам фрейм не обладают рекурсивными отношениями, они не могут «меняться местами».

Зерубавель замечает: «Пространственные границы разделяют нечто большее, чем пространство. Линии, ограничивающие предположительно инсулярные (четко очерченные, обособленные) фрагменты пространства, зачастую репрезентируют невидимые линии, отделяющие друг от друга чисто когнитивные сущности, такие как нации или этнические группы. Пересечь их – значит поколебать определенность этих ментальных границ. Именно поэтому мы придаем столь большое символическое значение актам перехода границы и склонны рассматривать переход Красного моря возвращающимися из Египта древними израильтянами в качестве акта освобождения. Поэтому же Берлинская стена служила репрезентацией ментальной границы между демократией и коммунизмом, а открытие границы между Австрией и Венгрией в 1989 г. стало символической репрезентацией духа “гласности” как такового» [Zerubavel 1991:11].

Само по себе данное рассуждение не несет социологии ничего принципиально нового – социальные антропологи описали все возможные эффекты символизации пространственных границ задолго до «когнитивной революции». Однако неслучайно, что это утверждение принадлежит именно представителю когнитивной социологии фреймов. *«Интенция репрезентативности»*, определение фрейма как «значимой формы» приходит в социологию повседневности из когнитивных наук и является общим не только для работ Г. Бейтсона, И. Гофмана, Э. Зерубавеля, но и для теорий кибернетика М. Минского [Минский 1979], лингвистов Ч. Филлмора [Филлмор 1988], Р. Шэнка и Р. Эбельсона [Shank, Abelson 1977]. Социологические теории фреймов отличает переопределение «репрезентативности» именно в категориях «символического».

Что дает такое определение контекста для исследований повседневного мира? Во-первых, теперь ни про одно повседневное действие нельзя сказать, что оно происходит только «здесь и сейчас», в уникальном «индексичном» контексте. Как замечает Уорнер, повседневный контекст может «символизировать (обозначать или выражать) какой-то другой пространственно-временной контекст – либо далеко удаленный и давно минувший, либо близкий и недавний. Взрослый человек находит письмо, написанное на чужом языке, датированное уже давно минувшим годом и подписанное его матерью. Он читает и плачет. Контекст действия – здесь и сейчас, но значения пробуждают в памяти давно прошедшее время и далеко удаленное место. Наблюдаемое действие происходит здесь и сейчас, но атрибутируемое значение помещает знак в совершенно иной контекст» [Уорнер 2000: 521]. Таким образом, контексты связаны отношениями индикации (Шюц), сигнификации, означания. Контекст в теории фреймов (в отличие от контекста в теории практик) благодаря свойству репрезентативности никогда не локализован только «здесь и сейчас».

Во-вторых, понимание контекста как «значимой формы» возвращает повседневному миру трансцендентное измерение. «Символ, – пишет Шюц, – можно для начала определить как аппрезентативное соотнесение высшего порядка, в котором аппрезентирующим членом пары является объект, факт или событие в реальности нашей повседневной жизни, а другой, аппрезентируемый член относится к идее, трансцендирующей за рамки нашего опыта повседневной жизни» [Шюц 2004: 501]. По Шюцу, символическая репрезентативность контекстов повседневного действия не только обеспечивает связь различных пространственно-временных обстоятельств, она связывает обыденные ситуации взаимодействия лицом-к-лицу с «трансценденциями, выходящими за пределы актуального Здесь и Сейчас» [Шюц 2004: 526].

Резюме

Итак, по итогам проведенной кодификации мы можем заключить, что:

1. «Теории практик» не являются монолитной теоретической конструкцией, но представляют собой совокупность таких конструкций, опирающихся на фундамент общей базовой концептуализации (понятие «практика» и сопряженные с ним дотеоретические интуиции). То же можно сказать и о «теории фреймов».

2. «Фрейм» и «практика», как базовые концептуализации, сообщают выстроенным с их использованием теоретическим конструкциям специфическую логику анализа повседневной социальной реальности. Обе эти логики привлекают исследовательское внимание к миру повседневности как совокупности практических действий, совершаемых в некотором социальном контексте. Однако проблематизация этого контекста и способы его включения в аналитические схемы у теоретиков практик и теоретиков фреймов принципиально различны. Таким образом, понимание контекста повседневного действия – есть одновременно точка расхождения двух теоретических перспектив и зона наибольшего напряжения, возникающего при их сопоставлении.

3. Одним из ведущих теоретических мотивов практико-ориентированной социологии является «интенция внеположности», диктующая курс на устранение, «снятие» фундаментальных оппозиций социологического мышления, опирающихся на различие «внутреннего» и «внешнего». Тезис «внутри то же, что и снаружи» приводит, с одной стороны, к неразличимости действия и его контекста, с другой – к «имманентизации» предмета социологии повседневности. Повседневное оказывается синонимом «посюстороннего», имманентного, а социология повседневности становится «здесь-и-сейчас-социологией».

4. В теориях практик контекст практического акта либо неразрывно спаян с самим практическим актом, что делает невозможным его анализ как самостоятельного феномена (эффект элизии в теории структуриации), либо находится с этим практическим актом в рекурсивных и индексичных отношениях (решение, предложенное в этнометодологии). В

основе такой интерпретации соотношения повседневного действия и контекста его осуществления лежит имплицитная метафорика «фигуры и фона».

5. В теории фреймов контекст обладает автономным и независимым от контекстуализированного практического акта статусом. Он не сводится ни к содержанию действия в фрейме, ни к содержанию действий за фреймом. Соответственно, повседневная социальная реальность трактуется не как арена нерелективных практических актов, а как «машинерия контекстов», фреймирующих межличностные взаимодействия. В основе такой интерпретации лежит имплицитная метафорика «значащей формы».

Кодификация позволяет выявить аксиомы теоретической работы, но сама она – как способ теоретического исследования – покоится на столь же скрытых, по умолчанию принимаемых аксиомах; одна из таких аксиом: *не проводить оценочных сравнений*. Поэтому логика кодификационного анализа запрещает нам задавать вопрос: «что лучше – теория практик или теория фреймов?» Концептуальные схемы, безусловно, инструментальны и предполагают трансляцию в практическую исследовательскую деятельность, но деятельность эта не настолько практична, чтобы кодификатор мог поставить перед исследователем два пузырька с этикетками, на которых написано: «теория практик» и «теория фреймов», с последующим доказательством преимуществ одного из них. В пространстве науки не существует аналитических схем, содержащих универсальное чудодейственное средство, панацею для полузагубленных исследовательских проектов.

Ради чего тогда – если не ради скрытой рекламы и открытой критики – проводить кодификацию? Другая аксиома кодификационного исследования такова: *теоретик свободен в выборе решения, но не свободен в принятии последствий этого решения (теоретических импликаций)*. Поэтому различные аналитические схемы, объединенные общими концептуализациями, принуждают своих авторов – иногда против их воли – к принятию новых допущений. В личной беседе профессор-этнометодолог Род Уотсон так прокомментировал аргументы, изложенные в этой статье: «Гарфинкель вовсе не стремился к уходу от трансцендентного измерения социальной жизни! Он не пытался закрыть на него глаза. Наша задача – показать, как трансцендентное *создается* в имманентном, как оно в нем достигается и собирается. Это отказ от трансцендентного-как-данности в пользу трансцендентного-как-практического-достижения. Поэтому мы просто говорим о другой, *имманентной трансцендентности*». (Вопрос о том, как «имманентная трансцендентность» этнометодологов соотносится с классическим пониманием трансцендентного измерения социального мира, мы бы хотели оставить здесь открытым.)

Собственно, кодификация и позволяет заглянуть за горизонт сиюминутных теоретических выигрышей, чтобы понять, к чему следует готовиться теоретику, избравшему тот или иной путь концептуализации. Фрейм-аналитики в предельном горизонте последствий расплачиваются за свой интерес к формальным контекстам повседневной жизни тем, что их критики называют «грехом формализма», уходом от «реальных содержаний» мира взаимодействий лицом-к-лицу. Теоретики практик – лишением своего объекта трансцендентного измерения, «имманентизмом», неспособностью выйти за пространственно-временные границы ситуаций здесь-и-сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

- Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000.
- Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. Сборник / Пер с нем., англ. / Вступ. статья, сост. и общая ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000.

- Белявская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах. Дис. д-ра фил. наук. М.: МГЛУ, 1991.
- Бикбов А.Т.* Формирование взгляда социолога через критику очевидности // Лемуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Пер с франц. СПб.: Алетейя, 2001.
- Бурдые П.* Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Е.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. М.-СПб.: Алетейя, 2001.
- Бурдые П.* Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
- Бурдые П.* Начала. М.: Socio-logos, 1994.
- Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Пер. с англ. С.П. Баньковская // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994.
- Волков В.В.* О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. №6.
- Гарфинкель Г.* Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение 2004. Т. 3. №4.
- Гарфинкель Г., Сакс Х.* О формальных структурах практических действий / Пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Социология. 2003.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Отв. Ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977.
- Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
- Делез Ж.* Логика смысла. М., 1998.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство. М.: Мысль, 1994.
- Зиммель Г.* Философия денег (фрагмент) // Теория общества / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
- Зиммель Г.* Ручка // Социология вещей / Под ред. В.С. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006а.
- Коркюф Ф.* Новые социологии / Пер с фр. М.-СПб.: Алетейя, 2004.
- Мерлье Д.* Статистическое конструирование Лемуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Пер с франц. СПб.: Алетейя, 2001.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Пэнто Л.* Личный опыт и научное требование объективности // Лемуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Пер с франц. СПб.: Алетейя, 2001.
- Сартр Ж.П.* Проблемы метода / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1993.
- Солсо Р.* Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.
- Трущенко О.* Престиж центра. М.: Socio-Logos, 1991
- Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
- Уорнер У.* Живые и мертвые. М.: Университетская книга, 2000.
- Филиппов А.Ф.* Социология пространства. СПб.: «Владимир Даль», 2008.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

- Фуко М.* Диспозитив сексуальности // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хофштедтер Д.* Гедель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. М.: Бахрах, 2001.
- Цурикова Л.В.* Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестник ВГУ. 2001. №2.
- Шампань П.* Разрыв с предвзятыми или искусственно созданными конструкциями // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Пер с франц. СПб.: Алетейя, 2001.
- Шматко Н.А.* На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл. / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Е.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. М.-СПб.: Алетейя, 2001.
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Изд-во РГГУ, 2005.
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Пер. с англ. С. И. Церетели // Юм Д. Сочинения: В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
- Alexander J.C.* The reality of Reduction: Failed Synthesis of Pierre Bourdieu // Fin de Siecle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason / by J. Alexander. L.: Verso, 1995.
- Bertilsson* The Theory of Structuration: Prospects and Problems / A. Giddens: Critical Assessments / Ed. by C. Bryant, D. Jary Vol. 1. L.: Routledge, 1988.
- Bhaskar R.* Reclaiming reality. L.: Verso, 1989.
- Blumer H.* Symbolic Interactionism: Perspective and method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969.
- Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice / trans. by R. Nice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Bourdieu P.* The Categories of Professorial Judgment / Bourdieu P. Homo Academicus. Cambridge, 1988.
- Certeau de M.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Dewey J.* Human Nature and Experience. N.Y.: Holt, 1966.
- Dreyfus H.* Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's 'Being and Time'. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
- Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. New Jersey: Prentice-Hall, 1967.
- Garfinkel H.* Ethnomethodology's program: Working out Durkheim's aphorism. NY.: Rowman & Littlefield, 2002.
- Geertz C.* The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
- Glazer B., Strauss A.* Awareness Contexts and Social Interaction // Symbolic Interaction: A Reader in Social Psychology. Boston: Ally and Bacon, 1972.
- Goffman E.* A Reply to Denzin and Keller // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000.
- Gurwitsch A.* The field of consciousness. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1964.
- James W.* Principles of Psychology. Vol. 2 . NY.: Dover Publication, 1950. Ch. 21.
- Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Blackwell Publishers, 1994.
- Livingston E.* Making sense of ethnomethodology. L. ; N.Y., 1987.
- Megan H., Wood H.* The Reality of Ethnomethodology. New York: Wiley, 1974.
- Oakeshott M.* Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis: Liberty Press, 1991.
- Rawls A.W.* Durkheim's treatment of practice: Concrete practice vs. representations as the foundation of reason // Journal of Classical Sociology. 2001. 1(1). P. 33-68.
- Schatzki T.* Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social, New York: Cambridge University Press, 1996.
- Schutz A., Luckmann T.* Strukturen der Lebenswelt. Neuwied, 1975.

- Searle J.* Intentionality: An Essay on the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Shank R.S., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals and Understanding. NJ.: Erlbaum, 1977.
- Social behavior and personality (Contribution of W.I. Thomas to theory and social research) / Ed. by E.H. Volkart. N.Y.: Social Science Research Council, 1991.
- Tannen D.* Framing in Discourse. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Taylor C.* Lichtung or Lebensform: Parallels between Heidegger and Wittgenstein // Philosophical Arguments. London: Harvard University Press, 1995.
- The Practice Turn in Contemporary Theory / ed. by T. Schatzki et al. New York: Routledge, 2001.
- Turner S.* The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1994.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J.C.B.Mohr, 1985.
- Zerubavel E.* The Fine Line: Boundaries and Distinctions in Everyday Life. New York: Free Press, 1991.